НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

А. Е. Вандам

В классификации военных знаний искусство вести бой называется тактикой, а искусство вести войну - высшей тактикой или стратегией. Но как бой представляет собою только один из скоротечных актов длящейся обыкновенно годами войны, так и война есть не что иное, как - кратковременный акт никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

Отсюда логически следует, что для ведения борьбы за жизнь необходимо особое искусство - высшая стратегия или политика.

В чем заключается это искусство и есть ли у нас оно - читатели поймут сами из этого маленького труда, представляющего собою лишь легкую царапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли.

А Вандам.
6 августа 1912 г.
С.-Петербург

29

I.

Несмотря на большие размеры своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях.

Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование.

Неудовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении "к солнцу и теплой воде", а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь.

Упираясь тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и во владения Германии и Австрии, а левым в малопригодные для плавания части Тихого океана, Великая Северная Держава имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращенный к югу и простирающийся от

30

устья Дуная до Камчатки. Так как против середины фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, то наше движение к югу должно было идти не по всей линии фронта, а флангами и преимущественно ближайшим к центру государственного могущества правым флангом, наступая которым через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, мы, в случае успеха, сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов - так называемый Суэцкий путь.

Но подобное решение самого важного из наших государственных вопросов не отвечало расчетам тиранически господствующих на море и необычайно искусных в жизненной борьбе англичан, а поэтому, несмотря на все блестящие победы наши над турками, хивинцами, туркменами и другими противниками на театрах военных действий, - на театре борьбы за жизнь весь правый фланг наш, в конце концов, потерпел неудачу: левая колонна его была остановлена в Мерве, средняя в Карее и Батуме, а самая сильная - правая, уже достигнув проливов, принуждена была повернуть назад и отойти к северным берегам Черного моря.

II.

Наступление нашего левого фланга началось в XVI столетии походом Ермака на Сибирское царство. Одолев это единственное в политическом смысле препятствие, смелая вольница наша потя-

31

нулась одновременно и к северу, - куда манили ее слухи о больших богатствах - "рыбьего зуба" (моржовых клыков), и к востоку, где девственная тайга была населена драгоценным пушным зверем, в особенности великолепным сибирским соболем. В погоне за этой добычей казаки добрались сначала до безграничных пустынь Северного Ледовитого океана, а затем, в начале XVIII столетия, появились и на Камчатке.

Полные необычайного интереса вести этих разведчиков, дойдя до слуха уже лежавшего на смертном одре Петра Великого, вызвали приказ о посылке капитана Беринга для исследования северной части Тихого океана и открытия показывавшегося во всех тогдашних атласах мифического материка "Гамаланда". С невероятными трудностями, перевезя на вьюках через пустынную и бездорожную Сибирь все грузы для снаряжения экспедиции, Беринг прибыл на Камчатку, построил в Авачинской губе двухпалубное судно и в 1728 г. совершил на нем свое первое плавание из Тихого в Северный Ледовитый океан через названный его именем пролив, но за туманом не видел американского берега. Посланный затем вторично, он в мае 1741 г. на двух небольших судах, "Петре" и "Павле", пустился в полную неизвестности ширь страшно негостеприимного в северных широтах Тихого океана. В июне месяце, в бурю и туман, суда потеряла друг друга из вида и вынуждены были продолжать путь каждый само по

себе. В июле оба они, на значительном друг от друга расстоянии, подошли к неизвестной земле. Таким образом, север-

ная часть Тихого океана была пройдена, и таинственный "Гамаланд", оказавшийся северо-западным берегом Америки, открыт был русскими мореплавателями. На обратном пути претерпевавший страшные лишения от недостатка продовольствия и пресной воды "Петр" был выброшен бурей на лишенные всякой древесной растительности скалы, получившие в честь скончавшегося и похороненного на них Беринга название Командорских островов. "Павел" же под командой лейтенанта Чирикова благополучно прибыл в Петропавловск.

III.

Результаты этой замечательной экспедиции были огромны. Вернувшиеся из плавания люди рассказали, что "дальше за Камчаткою море усеяно островами, за ними лежит твердая земля; вдоль берегов тянутся плавучие луга солянки, а на них кишмя кишит всякий зверь, среди которого есть один - ни бобер, ни выдра, больше и того и другого, мех богаче собольего и одна шкурка стоит до 400 рублей".

Эта весть точно кнутом хлестнула по воображению сибирских зверопромышленников. Открытие Алеутских островов и северо-западной Америки явилось для них тем же, чем для искателей золота могло бы явиться нахождение новых приисков, состоящих из одних самородков. И вот вся промысловая Сибирь устремилась своими помыслами к Тихому океану. Спустя всего лишь четыре

года на Алеутских островах работало уже семьдесят семь компаний, собиравших с моря ежегодно миллионную дань.

Привилегированное положение наших промышленников продолжалось несколько десятков лет, но затем в открытых русскими водах начали появляться иностранные соперники. В 1778 г. английский мореплаватель Кук нашел, наконец, дорогу в русскую часть Тихого океана. Вслед за ним пошли: Ванкувер из Лондона, Мирес из Ост-Индии, Квадра из Новой Испании. С другой стороны, обогнув мыс Горн, направились туда же Кен-дрик, Грей, Инграгам, Кулидж из Бостона и несколько кораблей, зафрахтованных Джоном Ас-тором из Нью-Йорка.

С появлением этих соперников на промыслах началась настоящая вакханалия. Драгоценный морской бобер истреблялся, не разбирая ни самцов, ни самок, ни детенышей. Не знавшие до той поры ни рому, ни огнестрельного орудия, туземцы из работавших в полном согласии с русскими мирных охотников превращались в опасных бандитов. Охота становилась менее выгодной и весьма опасной.

При таких условиях среди начавших задумываться русских промышленников явился человек, способный не только понять положение, но и бороться с ним. Это был Григорий Иванович Шеле-хов. Выработанный им для борьбы с иностранцами план заключался в следующем: объединении всех независимых русских промышленников в одну могущественную компанию; распространить русские владения на никому не принадлежавшем

северо-западном берегу Америки от Берингова пролива до испанской Калифорнии; установить торговые сношения с Манилой, Кантоном, Бостоном и Нью-Йорком. Поставив, наконец, все эти предприятия под защиту правительства, устроить на Гавайских островах арсенал и станцию для русского флота, который, защищая русские интересы и имея обширную и разностороннюю практику на Тихом океане, мог бы выработаться в первый в мире флот.

IV.

Сам Шелехов не дожил до исполнения его предположений, он умер в Иркутске в 1795 г., но его план был одобрен правительством. В 1799 г. вновь образованная Российско-американская компания получила исключительное право охоты, торговли и других занятий в открытых русскими водах и землях северной части Тихого океана. Высшее руководство действиями Компании оставлено было за главными акционерами в Петербурге, управление же делами на месте поручено было ближайшему сотруднику и другу покойного Шелехо-ва Александру Андреевичу Баранову.

Этот весьма скромного происхождения и по внешности мало похожий на героя человек до пятидесяти лет таил в себе дарования природного вождя и великого государственного строителя. Имея под своим началом лишь служащих компании и не отличавшихся храбростью алеутов, Баранов перенес главную квартиру компании с ост-

35

рова Кадьяка на населенный свирепыми колошами материк и в Ситхинском заливе заложил столицу Русской Америки Ново-Архангельск. Здесь, вслед за сооружением форта с 16 короткими и 42 длинными орудиями, появилась верфь для постройки судов, меднолитейный завод, снабжавший колоколами церкви Новой Испании. Столица, белое население которой быстро возросло до 800 семейств, украсилась церковью, школами, библиотекой и даже картинной галереей. В сорока верстах у минеральных источников устроена была больница и купальня...

Как центр самой важной в то время меховой торговли, Ново-Архангельск сделался первым портом на Тихом океане, оставив далеко позади себя испанский Сан-Франциско. К нему сходились все суда, плававшие в тамошних водах. Радушно принимая всех иностранных гостей, Баранов ни на одну минуту не упускал из виду русских интересов, и повел дело таким образом, что самые серьезные из соперников - англичане - скоро добровольно ушли из русских вод, американцы же во главе со знаменитым Джоном Астором, сильно сократив число своих судов, вступили в сотрудничество с русскими и заняли подчиненное положение, а именно: забирая уступавшихся им Барановым алеутов, они охотились к югу от Калифорнии для русской компании, поставляли за меха съестные припасы и т. п.

Устраняя, таким образом, соперников, Баранов, в то же время, не покладая рук работал над упрочением нашего положения. На море он с каждым

36

годом увеличивал число русских кораблей, усеивал острова русскими факториями, заводил торговые сношения с иностранными портами, а на суше все дальше и дальше уходил в глубь материка, прокладывая путь с помощью духовенства

и закрепляя его постройкой фортов. Русские владения росли и к востоку, и к северу, и к югу...

В общем, за время своего пребывания во главе компании Баранов сделал для России то, что не удалось сделать ни одному простому смертному. Он завоевал и принес ей в дар всю северную половину Тихого океана, фактически превращенную им в "Русское озеро", а по другую сторону этого океана целую империю, равную половине Европейской России, начавшую заселяться русскими и обеспеченную укреплениями, арсеналами и мастерскими так, как не обеспечена до сих пор Сибирь.

Зависть и ее верное оружие клевета свалили этого гиганта. Добывавший с моря ежегодно миллионы и не воспользовавшийся из них ни одною копейкой, Баранов заподозрен был в корыстолюбии и, смещенный без объяснения причин, в ноябре 1818 г. отплыл из своего любимого Ново-Архангельска.

V.

С уходом этого великого человека кончился героический период русской деятельности на Тихом океане, и русские, выдвинувшись за море с

такою же смелостью, с какою выдвигались в свое время голландцы, испанцы и французы, подобно им же должны были отступить перед англосаксами.

Этот поворот в ходе событий совершился весьма просто. Узнав о том, что в Америке уже нет больше всемогущего Баранова, англичане снова потянулись в наш промысловый район, а американцы опять увеличили число своих кораблей и начали охотиться у русских берегов. Испуганный неожиданным наступлением соперников, новый правитель колонии лейтенант Гагемейстер обратился за защитой к правительству. Последнее указом 4 сентября 1821 г. объявило право русской прибрежной власти на стомильное пространство воды к западу от наших американских владений. А так как поддержать это право, за неимением в Тихом океане ни одного военного судна*, было нечем, то в ответ на заявление России со стороны Англии последовал немедленный протест, а маленькие, только что выглянувшие на свет С.-А. Соединенные Штаты устами президента Монро громко объявили всему миру, что на открытый испанцами, французами и русскими американский материк они смотрят как на свою собственность и питают надежду, что державы Старого Света добровольно поймут, что им нечего больше делать в Новом. Вместе с тем англосаксы обоих государств, еще далеко не дошедшие с востока до

* При Баранове для охраны наших промыслов посылалось из Кронштадта военное судно. Но с 1820 г. распоряжение это было отменено и компании предоставлено было защищать себя собственными средствами.

Скалистых гор, от хребта которых на запад начиналась уже русская земля, потребовали от России разграничения владений.

Результатом возникших отсюда переговоров явилась чрезвычайно важная конвенция, подписанная в один и тот же день, 16 февраля 1825г.,и с Англией, и с С.-А. Соединенными Штатами. По этой конвенции, заключенной с первой державой, Россия отнесла свою границу на запад от Скалистых гордо 142 градуса гринвичской долготы. Северная половина уступленного нами пространства отдана была Англией

Гудзонбайской компании, из которой же образована была так называемая Британская Колумбия. Разграничение с С.-А. Соединенными Штатами состояло в простом отказе с нашей стороны от принадлежавших нам земель, составляющих ныне богатейшие северо-западные штаты Вашингтон и Орегон. В общем, по конвенции 16 февраля 1825 г. из наших владений на материке Америки за нами осталась лишь одна треть, известная под именем - Аляски, а две трети отданы были англосаксам без всякого вознаграждения с их стороны.

После уступки этих земель, девственные леса которых изобиловали пушным зверем, а прибрежные воды морским бобром и котиком - весьма прибыльная меховая торговля, находившаяся до тех пор на всех мировых рынках почти исключительно в русских руках, начала переходить теперь к англичанам и американцам; подрезанная в самом корне сужением ее промыслового района, Российско-американская компания принуждена

была упразднять понемногу свои фактории и сокращать судоходство, а Россия - отходить на ту базу, откуда Беринг начал свои исследования Тихого океана, т. е. на Камчатку.

Но как на театре военных действий, так и на театре борьбы за жизнь следом за отступающим идет и его противник. Поэтому, не прошло и десяти лет после подписания нами Конвенции 1825 г., как американские зверопромышленники переправились уже на эту сторону Тихого океана. Сначала они устремились на Командорские острова и принялись за истребление котика. Затем целые флотилии их появились в Беринговом и Охотском морях для охоты на кита. Свободно хозяйничая в наших водах, они заходили в бухты, уничтожали там детенышей китов, грабили прибрежных жителей, жгли леса и т. д. Полная безнаказанность за бесчинства довела дерзость американских китобоев до того, что они начали врываться в Петропавловск, разбивали караул и растаскивали батареи на дрова*.

В то же время систематически наступавшие с юга англичане нанесли сильный удар нашему престижу в Китае. Летом 1840 г. их флот овладел Гонконгом. Поднявшись затем в устье Янтсекианга, и захватив Вузунг и Шанхай, англичане по договору 1842 г. заставили Китай открыть свои порты для европейской торговли; причем ближайшая

* На Камчатке у нас имелось 100 морских чинов и 100 казаков, составлявших гарнизон, полицию и рабочих для всего полуострова. Укрепления Петропавловска состояли из деревянного бруствера, вооруженного 10 малокалиберными орудиями.

соседка Китая Россия умышленно не была включена в число держав, получивших право на посещение открытых портов.

VI.

Озадаченные дружным напором англосаксов, наши официальные сферы пробовали было успокоить общество тем, что, благодаря недоступности Амура со стороны моря, англосаксонские корабли никогда не проникнут в глубь Сибири. Но подобное успокоение действовало слабо. В журналах и газетах того времени появилось много сильных статей, наиболее замечательной из коих была статья

Полевого в "Северной Пчеле". Перечисляя все приобретения и потери России в царствование Дома Романовых, автор высказал мысль, что одною из самых тяжких по своим последствиям потерь была потеря нами Амура. Статья эта обратила на себя внимание Императора Николая I, и Его Величество, несмотря на все опасения министра иностранных дел графа Нессельроде о возможности разрыва с Китаем, о неудовольствии Европы, в особенности англичан, в случае каких-либо энергичных действий с нашей стороны и т. п. приказал снарядить экспедицию из корвета "Менелай" и одного транспорта и отправить ее из Черного моря под начальством Путятина в Китай и Японию для установления торговых сношений с этими государствами и для осмотра лимана и устья р. Амура, считавшегося недоступным с моря.

41

Но так как на снаряжение этой экспедиции требовалось 250 000 рублей, то на поддержку графа Нессельроде выступил министр финансов, и экспедиция Путятина была отменена. Вместо нее с необычными предосторожностями и с наисекретнейшей инструкцией послан был к устью Амура Крохотный бриг "Константин" под командой поручика Гаврилова. Хотя последний ясно говорил в своем донесении, что в тех условиях, в которые он был поставлен, он поручения исполнить не мог, тем не менее, министр иностранных дел доложил Государю, что приказание Его Величества исполнено в точности, что исследования поручика Гаврилова еще раз доказали, что Сахалин - полуостров, Амур с моря недоступен, а, следовательно, и река эта не имеет для России никакого значения.

Вслед за этим Особый комитет под председательством графа Нессельроде и с участием военного министра графа Чернышева, генерал-квартирмейстера Берга и др. постановил признать Амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда.

Решение это казалось окончательным и бесповоротным и оно было бы таковым, если бы в самый критический момент среди русских людей снова не нашелся один из тех праведников, которыми держится Русская земля. Таковым был даровитый моряк и мужественный патриот Геннадий Иванович Невельской.

Отправившись в 1848 Г. на транспорте "Байкал" для доставки в Петропавловск казенных грузов, Невельской летом 1849 г. прибыл в устье Аму-

42

ра и после 42-дневной работы установил: 1) что Сахалин не полуостров, а остров, отделяющийся от материка проливом в 4 мили шириной, при наименьшей глубине в 5 саженей и, 2) что вход в Амур, как из Охотского, так и Японского морей - доступен для морских судов.

VII.

Это открытие, плохо понятое у нас и едва не повлекшее за собою разжалование самого Невельского в рядовые, наоборот, в Англии и Америке вызвало сильную тревогу и целый ряд мероприятий. Но прежде чем говорить о них, позволю себе сделать следующее маленькое отступление.

Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества - никогда и ни в чем наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной

Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в ее целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т. е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками Я островами земная поверхность

является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы - живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образок и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих.

Едва только весть о новых русских открытиях в Тихом океане распространилась по цивилизованному миру, как работавшие у Камчатки и в Охотском море американские китобои потянулись к Амурскому лиману и Татарскому заливу для наблюдения за нашими действиями в тамошних местах. В соседней Маньчжурии появились лучшие из политических разведчиков - миссионеры. В самих Штатах политическая мысль занялась выяснением вопроса о том, какое значение может иметь величайший из бассейнов земного шара, т. е. Тихий океан, для человечества вообще и для североамериканцев в особенности? Поднятый сначала печатью, вопрос этот перешел затем в вашингтонский сенат, составляющийся, подобно древнему римскому сенату и английской палате лордов, из самых сильных голов, так называемых "строителей государства". Из произнесенных в этом учреждении в 1852 г. речей, посвященных тихоокеанскому вопросу, самой замечательной по

глубине содержания и ясновидению была речь сенатора штата Нью-Йорк Вильяма Сьюорда.

Со своей стороны и исполнительная власть не сидела сложа руки. Обдумывая над картой возможное в ближайшем будущем занятие Россией Амурского бассейна, руководители американской политики обратили внимание на то, что главные японские острова Иезо, Ниппон и Киу-Сиу, вытянувшись дугой от Сахалина до Корейского пролива, представляют как бы гигантский бар, заграждающий собою то море, к которому не сегодня-завтра Россия должна была выйти по Амуру. Это обстоятельство сейчас же подсказало привыкшему к сложным комбинациям англосаксонскому уму один из замечательных по смелости, дальновидности и глубине расчета политических ходов, а именно:

Не теряя времени, предпринять морской поход в Японию с тем, чтобы одним ударом утвердить над нею моральное господство С.-А. Соединенных Штатов, взять ее под свою опеку и, постепенно направляя ее честолюбие на азиатский материк,

подготовить, таким образом, из этого островного государства сильный англосаксонский авангард против России.

С этою целью по приказанию президента сформирована была и в ноябре 1852 г. отправлена в Тихий океан сильная эскадра в 10 военных судов под начальством командора Перри. Подойдя летом 1853 г. к берегам Японии, Перри, после отказа японцев впустить его в Куригамскую бухту, приступил к бомбардировке прибрежных городов. Никогда не виданные в таком количестве "чер-

ные корабли" американцев, энергичные действия и повелительный тон начальника эскадры навели на японцев панический страх и внушили им представление о С.-А. Соединенных Штатах, как о самом могущественном государстве в мире.

Дав, таким образом, японцам почувствовать сначала силу, Американцы объявили себя затем духовными отцами этого выведенного ими из замкнутого состояния народа и заставили его принять к себе, кроме дипломатических представителей, еще и особых советников по иностранным делам. Последние же, внимательно следя за каждым нашим шагом в Азии и постепенно внушая японцам страх к России и ненависть ко всему русскому, начали превращать нашего легко поддающегося чужому влиянию соседа в подозрительного и опасного врага...

VIII.

Теперь, что касается Англии, то открытие Невельским нового выхода к Тихому океану заставило эту державу ускорить объявление нам Севастопольской войны, имевшей целью совершенное уничтожение нашего флота и разрушение опорных пунктов на всех морях, омывающих Россию. Неизбежность же этой войны, ставшая очевидной еще в 1852 г., побудила нас в свою очередь к более энергичным действиям на Амуре.

"Ожидаемый разрыв с западными державами, - говорит в своих записках Невельской, - понудил генерал-губернатора прибыть в Петер-

бург для обсуждения предположения о защите вверенного ему края. 22 апреля 1853 г. Н. Н. Муравьев имел счастье докладывать Государю Императору, что, для подкрепления Петропавловска, необходимо разрешить сплав по р. Амуру, ибо берегом нет никакой возможности доставить в Петропавловск ни продовольствия, ни оружия, ни войск. Выслушав доклад Муравьева, Государь того же 22 апреля высочайше повелеть соизволил: написать об этом Китайскому трибуналу, предложение же Муравьева о сплаве по Амуру запасов оружия, продовольствия и войск рассмотреть в Особом комитете".

В последнем большинством голосов решено было "плыть по реке Амуру".

Первый торжественный сплав произведен был в навигацию 1854 т.

В это время союзный англо-французский флот из 6 судов, собравшись у берегов Америки, заканчивал уже совместное обучение, и в августе 1854 г. подошел к Петропавловску. Обстрелян береговые укрепления, неприятель спустил на берег 700 человек судовых команд и двинулся в атаку. Но атака была отбита, и союзники с большим уроном бежали на свои суда.

В следующем, 1855 г., хотя неприятельский флот, доведенный до 17 судов, усилен был еще и отдельной гонконгской эскадрой, тем не менее, операции его оказались столь же безуспешными, так как Петропавловский порт был снят, все имущество его перевезено в Николаевск, а суда введены в устье Амура.

47

Не успев таким образом причинить нам на Тихом океане почти никакого вреда, крепко зацепившиеся за южный Китай англичане решили в следующем же, 1856 г. перенести свои действия в северную часть его с целью, несколько схожей с той, с которой американцы посылали в Японию экспедицию Перри. Но восстание в Индии не позволило им сразу же двинуть в Китай значительные силы. Серьезные операции начались лишь в 1858 г. и затянулись до І860 г., а за это время события на Амуре начали быстро идти к благополучному для нас разрешению.

В конце 1856 г. учреждена была Приморская область, и центр управления всею прилегающей к Тихому океану Сибирью перенесен из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре. В начале 1857 г. утверждено было заселение левого берега Амура, для чего с открытием навигации двинуты были вниз по реке переселенцы Амурского конного полка и под личным распоряжением генерал-губернатора заняли левый берег Амура. При устье Зеи стал лагерем 13-й линейный батальон и дивизион легкой артиллерии. Кроме того, Муравьев формировал в Забайкальской области из крестьян горнозаводского ведомства пеший казачий полк с артиллерией, а в распоряжении адмирала Путятина шли уже из Кронштадта семь военных судов.

Столь решительные меры к упрочению нашего положения на Амуре произвели сильное впечатление на Китай. Не желавшее вначале разговаривать с нашими дипломатами, пекинское правительство прислало теперь сказать, что "из-за

48

возникших недоразумений не приходится ему разрывать с нами двухсотлетнюю дружбу. Начавшиеся вследствие такого заявления переговоры между иркутским генерал-губернатором и пограничными китайскими властями привели к заключению так называемого Айгуньского договора, признававшего за Россией право на те земли, которые фактически были заняты нами исключительно благодаря смелой инициативе и неутомимой энергии Геннадия Ивановича Невельского и Николая Николаевича Муравьева.

IX.

После Айгуньского договора, подписанного 16 мая 1858 г. и утвержденного центральным китайским правительством в ноябре 1860 г., политическая обстановка на левом фланге сложилась таким образом.

Более ста лет наше сообщение с Тихим океаном совершалось по пути, проложенному вольницей. Последний участок этого пути от Якутска до Охотска представлял собою узенькую караванную тропу, на 1100 верст тянувшуюся по обрывистым горам, лесам и тундрам к скованному в течение двух третей года льдом Охотскому морю и лежащей за ним вечно голодной Камчатке.

С приобретением Амура мы стали на хороший водный путь, в 4140 верст длиной, и от 300 до 1000 саженей шириной, шедшей по хлебородному краю и приводивший к Японскому морю. Последнее,

по сравнению с Охотским и Беринговым морями, казалось теплым, укрытым и вполне удобным для устройства на нем баз торгового и военного флота. На самом же деле оно обладало следующими крупными недостатками. Во-первых, в зимнее время оно также вдоль материка обрамлялось широкой ледяной полосой. Спасаясь от этого предательского капкана, наш флот четыре месяца в году, в качестве бездомного, вынужден был скитаться по чужим портам, что не могло способствовать его престижу. Во-вторых, выходы из этого моря, как на юг, через Корейский пролив, так и на востоке - через Лаперузов, находились под ударами Японии, за спиной которой стояли уже С.-А. Соединенные Штаты.

Недостатки эти тотчас же замечены были англичанами, почему вслед за ратификацией Аигунь-ского договора английская печать по сигналу хорошо известного в свое время Равенштейна забила тревогу, указывая на беззащитность Маньчжурии и на то, что начавшая уже спускаться со своих ледников Россия не задержится на Амуре ни одного лишнего дня и при первом же удобном случае двинет свои полки далее на юг к Печилийско-му заливу.

Да, но хорошо было говорить об этом наступлении англичанам, для которых весь мир представляет собою раскрытую книгу, которые ясно видели наше положение, знали, зачем нам нужны Маньчжурия и Печилийский залив и какого рода сопротивление могли мы встретить со стороны Китая. Между тем как для нас самих весь наш ле-

50

вый фланг с его морями, Китаем, Японией, Маньчжурией, Монголией и т. п. казался, да и сейчас кажется, каким-то бесконечным темным лесом, лишь изредка освещенным небольшими полянками, служившими нам для более или менее продолжительного отдыха.

Так, во время нашего господства на Тихом океане, последний имел для нас только одно значение. В течение тысячелетий никем не потревоженная природа развела на нем бесчисленные стада морских коров, выдр, львов, бобров, котиков и других животных. Это обширное пастбище, приносившее нам значительные доходы, требовало охраны, почему время от времени посылалось туда из Кронштадта военное судно. Но заводить тихоокеанский флот, как этого настойчиво домогались Шелехов и Баранов, обязывавшиеся дать ему отличную стоянку на Гавайских островах, считалось лишним, ибо по тогдашнему нашему мнению Великий океан был и на веки веков должен был остаться мертвой и никому не нужной пустыней. Но вот пришли англосаксы, отняли у нас наши пастбища, и мы отошли на Камчатку. Затем те же англосаксы направились к Китаю и начали ломать окна и двери нашего соседа. На этот шум мы спустились к Амуру и, сняв с плеч котомку, уселись в ожидании новых событий.

Для народа, одаренного практическим смыслом, творческой энергией и предприимчивостью, в этом и до сих продолжающемся блуждании и нерешительности есть что-то ненормальное. Ясно, что где-то и когда-то мы сбились с нашего пути,

отошли от него далеко в сторону и потеряли даже направление, по которому должны были следовать к указанной нам Провидением цели. А поэтому не пожалеем труда и вернемся к самым первым шагам нашей истории.

X.

Достаточно взглянуть на карту Азии, чтобы видеть, что этот материк по линии Гималайских гор подразделяется на две совершенно непохожие одна на другую части - теплый, плодородный юг и холодный, преимущественно степной север. Еще в то время, когда Ромул и Рем питались молоком волчицы, а Моисей готовился выводить своих сородичей из Египта, почти весь юг занят был уже поседевшими от забот строительной жизни и утратившими способность к наступательной борьбе Китаем и Индией. Известный же под общим именем Татарии север, или, правильнее, самая важная для истории человечества часть его - раскинувшаяся на высоком среднеазиатском плоскогорье Монгольская степь населена была пастухами-кочевниками.

Не знавшие ни государства, ни центральной власти, многолюдные семьи кочевников, точно облака по небу, мирно бродили по необозримой степи, собирая посредством своих стад засевавшуюся для них Господом Богом жатву. Но райски беззаботная жизнь их не могла длиться до бесконечности. По мере того, как население увеличивалось, приближался и момент, когда "Великая степь",

прозванная римлянами Vagina gentium*, должна была освободиться от своего бремени.

В этот знаменательный для степи период среди кочевников выискивался обыкновенно человек бывалый и энергичный, способный составить караван и отвести его на новые пастбища. С помощью четвероногого телеграфа весть о таком вожаке быстро разносилась во все концы, и к нему начинали стекаться наиболее смелые и решительные из кочевников со своими семьями и стадами. Тихо журча по степи, эти мелкие ручьи сливались затем в шумный человеческий поток, скатывавшийся с плоскогорья и устремлявшийся, смотря по осведомленности и счастью вождя, или на север, или на юг, или на запад.

Вначале такие переселения не встречали препятствий, так как Монгольская степь представляла собою лишь цитадель раскинувшегося у ее подножия грандиозного царства травы, владения которого простирались на весь Туркестан и юг России. Направлявшиеся преимущественно в эту сторону, кочевники с течением веков составляли гигантскую процессию народов, тянувшуюся от центрально-азиатского плоскогорья к Европе. Последним этапом травяного пути и передовым плацдармом кочевой Татарии была окруженная горами венгерская степь "пушта". Вступая в нее эшелон за эшелоном, пастухи-воины сплачивались здесь в армии и бросались затем на штурм Римской империи.

* О месте, откуда выходят и расселяются народы [Прим. Ред.).

Первая процессия переселенцев, прокочевавшая вдоль Каспийского и Черного морей, состояла из народов, образовавших кельтскую расу. Когда южный путь был занят таким образом и отчасти закрыт, - начавшая переполняться пастухами Черноморская степь выбросила избыток своего населения в промежуток между

Карпатами и Пинскими болотами, - эти народы составили германскую расу. После кельтов и германцев потянулись славяне.

Последние, дойдя до Карпат, очутились в своего рода ловушке. Путь к западу преграждали труднопроходимые для обремененного стадами кочевника лесистые горы; юг загроможден был хвостами кельтской колонны, на севере лежали Пинские болота, а между ними и Карпатами виднелись еще тыловые части германцев; с востока же начинали показываться новые переселенцы Великой степи. Зажатые таким образом между Днепром и Карпатами, славяне вынуждены были остановиться и, вследствие недостатка пастбищ, приняться за соху; иными словами, из вольных птиц степи стали превращаться в немогущих бросить свое с трудом обработанное поле, а, следовательно, и привязанных к нему полян.

XI.

Отсюда наиболее предприимчивые из наших предков, уже в качестве земледельцев, начали расходиться к северу и к югу и образовали своего рода живую плотину, преградившую собою вели-

кий низовой путь в Европу. Поэтому новые орды переселенцев, известных под общим именем турок, повернули на юго-запад и по высокой галерее сплошных плоскогорий пошли к Малой Азии, Сирии и Палестине.

С заграждением турками второго и последнего выхода из Татарии, последняя оказалась закупоренной; естественный процесс освобождения ее от человеческих избытков был остановлен, и эта страна должна была в свое время поразить мир особенно бурным выступлением. Последнее началось с появлением в Великой степи Чингис-хана. Собрав под свои знамена огромные полчища кочевников, он с одной половиной их двинулся на восток и, овладев сначала всей Кореей и Китаем до Янтсекианга, направился затем в Индию. В то же время другая половина чингисхановых орд, брошенная в противоположную сторону, наводнила Западную Азию и Южную Россию.

Подчинив, таким образом, своей власти почти всю Азию и восточную половину Европы, воинственная Татария вместе с тем в первый раз со времени своего существования организовалась в Монгольское государство или Золотую Орду.

Но по многим причинам, объяснение которых отвлекло бы нас от главной мысли, основанная монгольскими пастухами империя не могла быть долговечной. Уже с Иоанна Калиты даровитые Московские собиратели начинают управлять волей ханов и руками последних устраняют с пути препятствия к объединению России. Битвой на Куликовом поле Дмитрий Донской решительно заявляет, что в поте лица работающий над своими

нивами русский народ уже больше не слуга привыкшим снимать готовую жатву кочевникам. Грозный самодержец Иоанн IV берет под свою высокую руку царства Казанское, Астраханское и Сибирское. За ними наступает очередь Ханства Крымского.

В течение того же времени наиболее действенное из человеческих орудий - соха, пласт за пластом подымая нетронутую с сотворения мира почву, прокладывает

земледелию путь в самую глубь днепровских, донских, волжских и сибирских степей и несет с собою коренную перемену во внешнем виде и во внутренней жизни страны.

Там, где прежде расстилалась безбрежная пустыня, не производившая ничего кроме травы, - зазолотились моря хлебов, затемнели сады, зазмеились дороги. Вместо каждый день переезжавших на новую кочевку убогих палаток, явились постоянные жилища, выросли города и села, поднялись к небу купола церквей. Вместо быстрых и шумных, как степной ураган, татарских полчищ, переносившихся из одного конца степи в другой, зашагала медленная и страшная, как грозовая туча, пехота, предшествуемая полками хорошо обученной конницы и сопровождаемая тяжело громыхающей артиллерией. Короче говоря, из первобытной, подобно птицам небесным питавшейся одними Божьими дарами Татарии выросла могущественная, живущая тяжелым хлебопашеским трудом и до последнего издыхания готовая защищать свои обильно политые потом и кровью земли Россия...

XII.

Но заняв место Татарии, мы унаследовали и ее отношения к южной половине Азии, т. е. главным образом к Китаю и Индии, а поэтому посмотрим, какой капитал завещали нам наши предшественники.

Начиная уже с глубокой древности, теплый и богатый юг неудержимо тянул к себе кочевые народы севера. Нашествия их в ту сторону были так часты, что подробное перечисление их было бы утомительным, и мы ограничимся лишь наиболее известными. В 247 г. до Рождества Христова татары опустошили всю Печилийскую провинцию; после чего император Ши-Гуань-ди приказал почтить волею Божьею скончавшееся от преклонных лет военное искусство китайцев постановкой ему памятника высотою в трехэтажный дом и длиной в три тысячи верст.

Это изумительное сооружение, известное под именем Великой стены, геометрически точно определило собою северную границу Китайской империи, но защитить последнюю от нашествия степных народов не могло. Во II в. после Р. Х. татары снова наводняют Китай, и он распадается на две самостоятельных части - северную и южную. В 1225 г. Чингис-хан проходит Небесную Империю до Янтсекианга и облагает данью династию Гонгов. В 1260 г. внук Чингис-хана - Кублай устраняет Сонгов и начинает собою династию Иен. Наконец в XVII столетии на крайнем юго-востоке Татарии, среди полуоседлых тунгусов, появляется маленький князек по имени Нурачу. Подчинив

своей власти сначала собственное племя маньчжуров и ближайших соседей, Нурачу основывает Маньчжурское царство, со столицей Мукденом. А затем, как подобает доброму северянину, собирает армию и устремляется с нею на Китай. В 1644 г. маньчжуры овладевают Пекином и начинают править Китаем вплоть до последнего переворота.

Затем, что касается Индии, то хотя со стороны степи она защищена была природной стеной Гималаев, тем не менее, в 1024 г. туда врываются татары Газневиды и овладевают страной до Бен-галии. Б 1398 г. Тамерлан захватывает Империю Великого Могола, просуществовавшую до 1759г., т. е, до вторжения англичан.

Итак, история ясно говорит нам:

1) Что во время существования Татарии все наступления в Азии велись исключительно в одном направлении - с севера на юг.

2) Что многолюднейшие в мире, но духовно истощенные и за два последних тысячелетия не могшие произвести на свет ни одного сколько-нибудь возвышавшегося над уровнем посредственности человека, империи Китай и Индия находились под постоянным господством северных народов.

и 3) Что вооруженная одними луками и саблями, но предводимая смелыми и решительными вождями татарская конница проложила торный исторический путь через великую стену и Гималаи и широко разработала его в умах южно-азиатских народов. Иными словами, что своей многовековой работой она возвела такой фундамент,

на котором мы как победители над победителями, располагающие при этом средствами всесокрушительной военной техники, могли бы строить наши отношения к югу Азии в любом из желательных нам стилей.

Спрашивается теперь, куда же девался этот наследственный капитал, и как должны были бы мы воспользоваться им для наших государственных целей?

Верный ответ на этот вопрос может дать опять-таки одна лишь история.

XIII.

Напомним, прежде всего, что наши казаки перешли Урал в конце XVI столетия. Б 1587г. они основали Тобольск, в 1604 г. - Томск, в 1618 г. - Якутск и в 1638 г. - Охотск.

Таким образом, первая линия нашего наступления к Тихому океану пошла по Крайнему Северу. При холодном климате и огромных расстояниях, расположенные вдоль этой линии селения терпели нужду во многом, особенно в хлебе, которого в Охотском крае нельзя было достать иногда на вес золота. Естественно поэтому, что, узнав от таежных тунгусов о существовании за Становыми горами никем не занятой страны, где люди пашут землю и разводят рогатый скот, наша вольница решила отыскать эту страну, поселить в ней русских хлебопашцев и снабжать хлебом Охотский край.

Отправным местом разведок явился быстро развивавшийся благодаря звериным промыслам Якутск. Первая партия разведчиков, посланная из него в 1643 г., состояла из 100 казаков под начальством Пояркова. Поднявшись по Алдану, и пройдя более 400 верст по загроможденной дикими скалами пустыне, Поярков вышел к верховьям Зеи и Do ней достиг величественного Амура.

Обстоятельно разведав затем в течение двух навигаций бассейн этой реки от впадения в нее Зеи до Татарского пролива, казаки пошли из Амура в Охотское море и в 1646 г., полуживые от трудов и лишений, добрались до Якутска. Причем Поярков доложил воеводе: 1) что вся открытая им страна удобна для земледелия; 2] что живущие в ней редкими поселками полудикие племена никому не подчинены и 3) что для утверждения русской власти на Амуре достаточно 300 человек, из коих одна

половина должна быть распределена гарнизонами в трех или четырех городках, а другая - состоять в подвижном резерве.

В 1648 г. открыт был новый, более западный и более короткий путь к Амуру. После предварительной разведки его отправилась из Якутска вторая партия казаков из 50 человек под начальством составившего ее на свой счет купца Хабарова для подчинения Амурского края России.

Прибыв в июне 1651 г. на Амур, Хабаров основал у устья речки Албазина городок того же имени и поплыл вниз по реке, останавливаясь в попутных селениях и приводя туземцев в русское подданство. К концу навигации он спустился за Сунгари и остановился на зимовку у Ачанского

60

улуса в построенном им Ачанском городке. Недовольные приходом забиравших у них продовольствие казаков, ачане послали просить помощи у маньчжуров. Последние, только что победив Китай, были в это время в зените своего могущества, почему наместник богдыхана в Маньчжурии охотно отрядил 2000 своей конницы с 8 орудиями, фузеями и петардами. Отряд этот, под начальством князя Изинея шел к Ачанскому городку три месяца. Но при первом же столкновении с русскими 24 марта 1652 г. маньчжуры были разбиты наголову и бежали.

С открытием навигации Хабаров поплыл вверх по реке, построил у устья Кумары острожек и послал в Якутск доложить воеводе, что Амурский край может быть настоящей житницей для всей Сибири, но что, ввиду опасности со стороны маньчжур, необходимо подкрепление в 600 человек. Дать таких сил Якутск не мог, но с теми же посланцами отправил просьбу в Москву. Последняя командировала на Амур дворянина Зиновьева с поручением - поощрить казаков, прибавить к ним команду в 150 человек, усилить их снарядами и приготовить все нужное к приходу 3000 войск, которые предполагалось двинуть туда под командою князя Лобанова-Ростовского.

В августе 1653 г. Зиновьев прибыл к устью Зеи, собрал коллекцию из местных богатств, взял с собою представителей туземных племен, Хабарова и повез их в Москву. На Амуре же оставил казака Онуфрия Степанова, изъяв его из подчинения якутскому воеводе и приказав весь собиравшийся с туземцев ясак посылать прямо в Москву.

61

Степанов, в груди которого билось сердце Ермака, был весьма рад этой самостоятельности и задумывал уже смелую думу. Не ограничиваясь амурским бассейном, он с горстью своих казаков собирался порешить и Маньчжурское царство. С этой целью, сейчас же после отъезда Зиновьева, он пошел в устье Сунгари, добыл там много хлеба, и, прозимовав у дучеров, весной 1654 г. поплыл вверх по неотразимо тянувшей его реке. После трехдневного плавания за Хинганскими горами, он встретил сильный отряд пытавшихся загородить ему путь маньчжуров, разбил его и узнал от пленных, что маньчжуры не имели бы ничего против владения русскими правым берегом Амура и низовьем Сунгари до Хинганского хребта, но что они боятся за свои собственные земли и поэтому собираются на будущей год идти на казаков с большими силами.

Ввиду таких известий Степанов поплыл вверх по Амуру к устью Кумары и начал готовиться к защите. Действительно, 20 марта 1655 г. 10000 маньчжур с 15 орудиями

приблизились к Кумарскому острогу, обложили его и после четырехдневной бомбардировки, в ночь на 25 марта пошли на приступ. Но лихой контратакой казаки нанесли противнику полное поражение и рассеяли всю орду. В следующем 1656 г., поднявшись по Сунгари до самой Нингуты, Степанов поверг в панику всю Маньчжурию, а спустя еще два года, сняв гарнизоны острожков и доведя свой отряд до 500 человек, поплыл за Хинганский хребет с тем, чтобы нанести Маньчжурскому царству окончательный удар. Накануне боя почти половина казаков взбун-

62

товалась. Оставшись с [отрядом в] 270 человек, Степанов, несмотря на чудеса храбрости, был окружен и, подобно своему знаменитому предшественнику, нашел свою могилу - уже на другом конце Сибири, но также на дне реки...

Со смертью грозного Степанова во всем Амурском бассейне сразу же наступила кладбищенская тишина, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Но вот, пролетая однажды над этой молчаливой пустыней, ангел жизни бросил на нее в виде опыта новый росток. В 1669 г. небольшая партия вольницы под предводительством Никиты Черниговского, спасаясь от наказания за убийство якутского воеводы Обухова, бежала на Амур и поселилась в опустевшем Албазине. Беглецы построили хижины, распахали поля, а затем, с благословения иеромонаха Гермогена, заложили и монастырь во имя Спаса Всемилостивейшего. Скромный, едва перелетавший на другую сторону реки, благовест маленьких колоколов скоро услышан был, однако, всей Сибирью, и к сразу же сделавшемуся знаменитым Албазину потянулись новые переселенцы. Одни из них устраивались у самого Албазина, другие пошли вдоль реки и рассыпались по притокам. Таким образом, начали оживать острожки Кумарский, Зейский, Косогорский, Ачанский, Усть-Делинский, Усть-Нимеланский, Тугурский; точно по щучьему веленью выросли деревни и слободы - Андрюшкина, Игнатина, Монастыршина, Покровская, Озерная и др. По соседству с ними, в удобных низинах появились отдельные заимки, а на вершинах холмов приветливо замахали своими крыльями ветряные мельни-

63

цы. Так как все это оживление пошло из Албазина, то, в воздаяние заслуг последнего, ему в 1684 г. пожалованы были герб и печать, и он сделан был главным городом Амурского края, образовавшего собою самостоятельное Албазинское воеводство, первым воеводою которого был назначен Алексей Толбузин...

XIV.

Только что изложенные факты представляют собою простой и поэтому наглядный пример того, как в деле государственного строительства совершенно незаметно вкрадываются грубые и опасные для дела ошибки. Действительно, ведь не любовь к приключениям, а нужда в хлебе заставила Якутск послать за Становой хребет сначала "ходока" Пояркова, открывшего Амурский край, а затем Хабарова, присоединившего этот край к России и намеревавшегося создать из него житницу Сибири. При таких условиях, лично и материально заинтересованный Б развитии уже приобретенного им края, Якутск просил Москву лишь об одном - прислать ему подмогу в 600 человек, или, по нынешнему военному расчету, три роты солдат. Казалось бы, чего проще - исполнить эту просьбу и радоваться, глядя на то, как по

проложенным Поярковым и Хабаровым путям, при деятельном сотрудничестве якутского воеводы на севере и Хабарова - на юге, начался бы постепенный переход русских людей из холодного и голодного Ленского бассейна и распределение их

64

по более теплому и плодородному Амурскому. Вместо этого правительство посылает на Амур облеченного большими полномочиями Зиновьева, который в самый разгар деятельности отнимает Хабарова от дела и увозит в Москву, откуда этот даровитый и полный сил человек, пожалованный саном боярина, уже не поехал на работу. Заместитель Хабарова, Степанов, при его бесстрашии был бы отличным начальником сторожевого отряда, если бы, оставаясь в подчинении у якутского воеводы, получил приказание не ходить к маньчжурам, а лишь охранять от них свое. Но его делают самостоятельным и требуют от него присылки ясака. Разумеется, эта свобода и темперамент сейчас же продиктовали Степанову более широкую задачу. Вместо ясака он начинает думать о военных трофеях, и будь у него не 500 человек, а 5000 - он, наверное, ударил бы челом московским государям и Маньчжурским царством и даже Китайской империей. Этот стихийный человек в данном случае требовал регулятора, без которого он погиб столь же геройской, сколько и бесполезной для родины смертью. После Степанова, обнаженный от войск и опустевший от жителей Амур подчинен был нерчинскому воеводе Пашкову. Но по горло занятый устройством только что открытого енисейскими казаками Забайкалья и установкой связи между Нерчинском и Иркутском, Пашков, естественно, смотрел больше на запад, чем на восток.

Наконец оживший сам собою Амурский край производится в Албазинское воеводство, и опять вместо обещанных еще в 1653 г. 3000 [чел.] войск.

65

ему спустя тридцать лет прислан был немецкий инструктор поучить казаков, как нужно сражаться с маньчжурами. Иными словами, едва начавший заселяться край, оставлен был положительно без всякой защиты.

XV.

Когда после боя у Ачанского городка маньчжурский наместник донес в Пекин о приходе русских на Амур, то совершенно не интересовавшийся до тех пор холодным и пустынным севером и не подозревавший существования такой реки богдыхан понял сначала, что дело идет о Сунгари и Нонни. На это находчивые пекинские царедворцы доложили, что его величество не ошибается в названии рек, но что Сунгари имеет еще один приток, текущий севернее Хинганских гор и называемый тунгусами также Амуром. Результатом такого доклада было приказание: маньчжурам не ходить по Сунгари севернее Хингаиской теснины и не пускать к себе русских на юг. После же набегов Степанова, боясь за свою вотчину, богдыхан приказал оттеснить опасного для него соседа возможно далее от Маньчжурии.

С этою целью в 1671 г. маньчжуры заняли весь правый берег Амура (нынешняя Хейлундзянская провинция), построили против устья Зеи Айгунь и с этой базы начали систематическую очистку Амурского бассейна. К концу 1684 г. из всех русских поселений остался один только Албазин. В следующем 1685г. 18-тысячная маньчжурская ар-

мия с 60 орудиями подошла к Албазину. Плохо снабженные огнестрельным оружием и боевыми припасами албазинцы, всего 450 человек, стойко выдерживали жестокую бомбардировку, пока деревянные стены острожка не были превращены в щепы, а затем вынуждены были вступить в переговоры и с оружием в руках отошли к Нерчинску.

Несмотря на эту неудачу, не прошло и года, как на развалинах Албазина стучали уже топоры, доканчивая новые хижины; точно из земли вырос солидный глиняный вал, а за ним зеленели вспаханные и засеянные вернувшимися на свои пепелища жителями поля!

Необычайное упорство русских в бою и способность их к бесконечному возрождению начали внушать Пекину суеверный страх, и наиболее даровитый из сидевших на китайском престоле маньчжуров Канси дал повеление отнять у нас Амур во что бы то ни стало. И вот в июне 1687 г. снова маньчжурская армия (8000 чел., 40 орудий) подошла к Албазину. Снова албазинцы (736 чел., 6 орудий) сожгли свои дома за крепостью и зарылись в землянки. Еще менее уверенные в себе, чем в первую осаду, маньчжуры стали лагерем и прикрыли себя деревянной стеной. Албазинцы одну часть стены сожгли калеными ядрами, другую подорвали. Тогда осаждавшие обнесли свой стан земляным валом и, разметив на нем орудия, открыли огонь. 1 сентября они попробовали было штурмовать крепость, но, отбитые с громадным уроном, отошли на свою позицию. К несчастью, so время сентябрьской бомбардировки убит был

67

храбрый воевода Толбузин, и затем среди осажденных началась цинга. Зная положение крепости, маньчжуры, тем не менее, не осмеливались на новый штурм. Наоборот, уставшие и почти наполовину ослабленные потерями от боевых столкновений и болезней, они чаще смотрели в сторону Айгуня, чем Албазина. В феврале 1688 г. они совершенно прекратили бомбардировку, а в мае отодвинулись на четыре версты и перешли к блокаде. В это время в крепости от всего гарнизона оставалось в живых лишь 66 человек. Но судьба Амура и всего нашего левого фланга решилась не под Албазином, а в Нерчинске, и это решение заключает в себе особый интерес для мыслящей публики.

XVI.

В более трудной и требующей большего искусства, чем война, борьбе за жизнь, народ представляет собою армию, в которой каждый человек борется по собственной стратегии и тактике. Но правительство, как главнокомандующий своего народа, обязано: во-первых, внимательно следить за тем, в какую сторону направляется народная предприимчивость; во-вторых, всесторонне и хорошо изучив театр борьбы, безошибочно определять, какое из направления наиболее выгодно для интересов всего государства; и, в-третьих, с помощью находящихся в его распоряжении средств, умело устранять встречаемые народом на его пути препятствия.

68

Рассматривая с этой вышки наше положение на левом фланге накануне первого русско-китайского договора 1689 г., мы видим следующее: богатая пушным зверем

тайга потянула нашу вольницу от Уральских гор прямо на восток - северо-восток до конца Сибири. Но вот енисейские и якутские разведчики, уклонясь к югу, открыли страну, которая по сравнению с холодной и мрачной тайгой показалась им раем небесным, ибо леса ее изобиловали тем же драгоценным соболем, а реки рыбой, но при этом теплый климат и безграничные пространства плодородной земли давали каждому желавшему возможность сделаться помещиком.

Нет сомнения, конечно, что подобное географическое открытие должно было оказать влияние на маршрут вольницы. Атак как сама она, по отношению ко всему русскому народу, составляла лишь передовую часть, прокладывавшую путь другим, следовавшим по ее стопам предприимчивым людям, то мало-помалу и весь поток русской энергии, нацеленный первоначальными обстоятельствами на Камчатку, должен был уклониться к юго-востоку, сначала на Амур, а затем и к Желтому морю.

Лежавшую на этом пути Маньчжурию нельзя было считать серьезным препятствием. Родина Чингис-хана* и наше историческое наследство, она, подобно остальной территории Золотой Орды, населена была сырым человеческим материалом.

* Чингис-хан родился в нынешней Хейлундзянской провинции, в одной из долин Хингана.

Правда, маньчжурские тунгусы успели организовать государство, но ведь организация-то была случайная и временная, с целью похода на Китай. Образовавшаяся же после завоевания Небесной империи династическая связь с последней, не усиливая ни Маньчжурии, ни Китая, ставила лишь в трагикомическое положение повелителя этих государств. Выведя из своей вотчины все ее лучшие силы, богдыханы не могли отправить обратно ни одного человека, ибо сами непрочно сидели на пекинском престоле. Посылать же на помощь маньчжурам китайцев значило: не принеся никакой пользы делу, в то же время подорвать все обаяние своего военного могущества. Итак, в результате Маньчжурия могла обороняться одними собственными силами. Боевые же качества маньчжурских войск определились как при первой стычке 150 казаков Хабарова с 2000 маньчжуров князя Изинея, когда в рукопашном бою последние потеряли 750 человек убитыми, все орудия и знамена, так и в последовавших боях, где наши противники были неукоснительно биты, раз только их приходилось менее полуроты на одного русского.

При таких условиях, если правительство по каким-либо причинам не могло поддержать своевременно наш левый фланг войсками, то оно, во всяком случае, должно было обратить внимание на тот факт, что открытие Амура и появление на свете первого, второго и третьего Албазинов совершалось не административным велением, а вот какой причиной: в то время как в Якутске фунт хлеба стоил 10-15 коп., в Албазине весной 1687 г. рожь и овес продавались по 9 коп. за пуд, пшени-

ца по 12 коп., горох и конопляное семя по 30 коп. Ешь - не хочу и наживайся, снабжая богатую золотом и мехами тайгу!

Эта простая и сильная, как сама жизнь, причина вместе с молодой энергией не боявшегося препятствий и приобретшего право пренебрежительно смотреть на загораживавших ему путь туземцев народа были надежным ручательством тому, что на месте третьего Албазина возник бы четвертый, пятый и может быть шестой, но, в

конце концов, русские люди беспрепятственно поплыли бы и в низовья Амура, и к верховьям Сунгари. Для этого требовалось только одно - самим не увеличивать тех преград, с которыми справилась бы со временем народная энергия.

К несчастью, сделав уже одну крупную ошибку с посылкой на Амур дворянина Зиновьева, московские приказы придумали новую и еще горшую. Не чувствуя сил своего народа, не понимая совершавшихся событий и не зная поэтолгу что предпринять, они при первых же выстрелах в головном отряде отправили в Пекин сначала канцеляриста Венукова, а за ним канцеляриста Логинова с извещением, что вслед за этими гонцами едет воевода Головин, чтобы с общего согласия положить границу между Россией и Китаем, т. е., в данном случае, провести черту, дальше которой нельзя наступать русскому народу!*

* Многие слова, в силу частого их повторения, теряют обыкновенно свой глубокий внутренний смысл. Так, слово "граница" обозначает собою преграду, стеснительную для наступающего и выгодную для обороняющегося. Давным-давно утративший свою агрессивность и перешедший к обороне Китай, замкнувшись со стороны моря и обнеся все свои города

Сгорбившийся под тяжестью лет и жизненного опыта, Китай сейчас же понял все выгоды такого предложения и воспользовался им как нельзя искуснее. Хорошо зная, что у нас во всем Нерчинском воеводств было не более 500 казаков, китайские уполномоченные привели с собою в Нерчинск десятитысячную орду пеших и конных слуг, погонщиков, носильщиков и тому подобного, вооруженного всяким дрекольем люда. С этой, имевшей одно только подобие военной силы, толпой, приведенной в решительный момент и на решительный пункт театра борьбы за жизнь, Китай одержал над нами величайшую из когда-либо одерживавшихся им побед.

Под угрозой атаковать Нерчинск, китайские уполномоченные заставили чувствовавшего себя точно в плену Головина подписать 26 августа 1689 г. печальной памяти Нерчинский договор, согласно которому Россия должна была отказаться от всего принадлежавшего ей по праву открытия Амурского бассейна. Не вовремя пожелавшаяся нам граница с Китаем проложена была: на западе по - р. Горбице, на севере - по Становым горам, а на востоке, по нетвердому знанию уполномоченными обоих государств географии страны, осталась неопределенной. Для лучшего обозначения северной границы решено было поставить вдоль нее каменные столбы, Албазин разрушить, и все, что оставалось русского на Амуре, увести

высокими каменными" валами, в то же время воплотил и идею границы в своей знаменитой великой стене. Так как на своем левом фланге Россия была наступающей стороной, то ясно, насколько ошибочен был почин нашей дипломатии.

на север с тем, чтобы на будущее время ни один русский человек не смел перешагнуть за запретную черту. Иными словами, слабый, никогда не могший справиться с кочевниками Китай, улучив минуту, заставил нас, - молодой, полный наступательной энергии народ, поднять на свои плечи его уродливую стену и перенести ее на Горбицу и Становые горы...

XVII.

Теперь, чтобы видеть непосредственный результат этого договора, перенесемся мысленно в Якутск, бывший в то время главным этапом протоптанного казаками пути по тайге. Став на эту точку, мы сейчас же почувствуем себя в положении и витязя на распутье, и нашей вольницы накануне, новых ее подвигов: направо, по Становому хребту, - великая китайская стена, укрепленная всей строгостью наблюдения собственных властей, налево - Лена, широкая, могущественная, но постепенно ведущая в царство мрака и холодной смерти; прямо - та же суровая и задумчивая тайга, все с большим и большим трудом всползающая на выраставшие перед нею горы и все чаще и чаще уступающая поле битвы надвигающейся на нее с севера тундре... Задумываться над тем, в какую сторону держать путь, было нечего.

И вот, после минутного роздыха, казаки - эти красивейшие своей отвагой из всех рыскавших по еще молодой тогда и просторной земле чело-

веческих хищников, с крестом на шее и несколькими зарядами за пазухой усгремляются к Охотскому морю, с него на Камчатку, с Камчатки на Курильские острова, с Курильских на Алеуты, с Алеутов на никому, кроме русских, неизвестный американский берег. Бесстрашно носясь на сколоченных из подручного материла судах по волнам вечно сердитого и вечно кутающегося в холодную мглу Великого океана, они выписывают на бесчисленных островах его, мысах, бухтах и вулканах целый календарь православных святых, вперемежку с именами Прибыловых, Вениаминовых, Павловых, Макушиных, Шумагиных, Куприяновых и т. д. и т. д. Божею милостью полководцы и государственные люди Шелеховы и Барановы завоевывают и устраивают за морем целые царства и накладывают свою руку на самый океан.

Такой энергии, предприимчивости и дарований хватило бы не на одну Маньчжурию, представлявшую собою последний "клин" Татарии и последний этап нашего сухопутного марша к Востоку, но и на достижение главнейшей жизненной цели нашей.

А чтобы понять, в чем именно заключалась последняя, вспомним сначала, что в течение многих веков под словом "Восток" западноевропейские народы подразумевали те южно-азиатские страны, которые Небо щедро наградило драгоценными произведениями тропиков: знаменитые страны ароматов, слоновой кости, черного дерева, золота, самоцветных камней, камеди и в особенности многочисленного собрания продуктов, как чай, сахар, кофе, перец, корица и т.д., известных на

Западе под общим именем "пряностей", а у нас - "колониальных товаров".

Ведь не для чего другого, как для отыскания этих стран, предпринят был в XV и XVI столетиях целый ряд морских походов, создавших плеяду славных имен, во главе с Васко да Гама, открывшим путь на юг Азии вокруг мыса Доброй Надежды, и Христофором Колумбом, отправившимся на поиски Индии и нашедшим Америку.

Запертая со всех сторон на суше, Россия не могла, конечно, и думать тогда ни о каких экспедициях и ни о каких тропических странах. Но вот пришло время, и сама судьба начала направлять нас к тому же "Востоку". Когда наша вольница, молодцевато закинув кремневку за плечи, собиралась уже выступать из Якутска, Провидение

зажгло на Амуре такой сильный маяк, свет которого сразу же сделался виден всей России, и этим ясно сказало нам "вот ваша дорога!". Небольшое препятствие, которое Оно положило на этом пути в лице Маньчжурии, было необходимо, чтобы задержать шедшие налегке и слишком выдвинувшиеся вперед головные части, заставить их уцепиться за землю, выждать подхода новых эшелонов и затем уже в наступательном порядке идти от "теплой реки" к "теплому морю".

Если бы на прохождение этого последнего этапа и на обращение самого слабого из остатков Золотой Орды в совершенно русскую страну нам понадобилось даже полтораста лет, то и в этом случае уже сто лет назад мы стояли бы на берегах Желтого моря столь же безопасно, как сейчас на берегу Балтийского.

А теперь возьмите циркуль, измерьте, во сколько раз ближе были бы мы с этой базы к Индии, Сиаму, Зондскому архипелагу, Филиппинам и находившемуся бы на одном с нами дворе Китаю, чем вся Западная Европа, или Америка, долженствовавшие путешествовать вокруг мысов Доброй Надежды и Горна, - и вам станет ясно, что главнейшая задача всей государственной политики нашей заключалась в обладании богатым югом Азии, являющимся естественным дополнением бедного Севера. Со своим первобытным взглядом на жизнь и первобытным оружием татары решали эту задачу в форме господства над Китаем и Индией; - мы же, как народ высшей культуры, должны были решить ее иначе, а именно: закончив наше наступление через Сибирь выходом к Желтому морю, сделаться такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом, и такими же покровителями Азии, как англосаксы Соединенных Штатов - Американского материка. При этом условии мы были бы теперь не беднее и не слабее страшно теснящих нас ныне жизненных соперников.

К несчастью, задача эта не была понята нами и к самому важному историческому моменту, когда указанная нам самим Провидением арена была еще свободна. Когда англосаксам Америки предстояло еще перейти от Атлантического океана через всю ширь своего материка, а Франция и Англия вступили в борьбу, долженствовавшую решить, которое из этих государств впредь до полного истощения вынуждено будет вращаться в орбите честолюбия своего противника - мы оказа-

лись точно распятыми на кресте нашего нерчинского недомыслия.

В одной стороне - за Тихим океаном - оторвавшаяся от государства огромнейшая творческая сила в титанической борьбе с туманами, бурями, дикарями и белыми бандитами строила эфемерную Российско-Американскую Империю, т. е. выравнивала и уплотняла почву для англосаксов Америки; в другой - на полях Италии, на высях Швейцарских гор, под Шенграбеном, Аустерлицем, Прейсиш Эйлау, Фридландом и по всему кровавому пути от Москвы до Парижа доблестнейшая из всех армий собирала камни для пьедестала английскому величию...

XVIII.

В течение всего этого времени превратившаяся из великого исторического пути в столь или не столь отдаленные места Сибирь, как заброшенное поле, начала прорастать сорными травами, среди которых ярче других выделился своею весьма

конфузной для нашей осведомленности и государственного трезвомыслия зеленью чертополох "желтой опасности".

Не сумев войти в Китай с открывающегося на море парадного подъезда и помирившись на узенькой кяхтинской щели, - мы, из страха потерять и последнюю, во-первых, не решились высказать свое удивление: когда же это и каким образом ни разу не вылезавший из-за своей каменной перегородки, Китай овладел цитаделью Татарии -

77

Монголией и оказался нашим непосредственным соседом? Во-вторых, узаконив молчанием этот захват, мы точно связали себя клятвой никогда не заглядывать за новую китайскую границу и не интересоваться тем, что там происходит. Б результате получилось вот что. В то время как наши политические исследователя с усердием семидесяти толковников целыми томами поясняли смысл загадочной строки нерчинского трактата "...далее, по тем же горам, до моря протяженным...", а Академия наук ломала голову над вопросом, куда же девались те виденные одним из ее членов Мидендорфом кучи камней, которые должны были изображать собою пограничные столбы? - граф Нессельроде, основываясь в 1850 г. на донесениях селенгинского коменданта Якоби, писанных в 1756 г. (т. е. 94 года назад), и на сообщениях иеромонаха Иакинфа, докладывал Государю и, как министр иностранных дел, убеждал Особый комитет не касаться Амура, в устье которого есть большие города, крепости и целые китайские флотилии с экипажем в 4000 человек.

Сведения министра оказались на поверку ошибочными. На нижнем Амуре ни о каких городах, крепостях и флотилиях не было и помину. Невельской нашел там только одного старого маньчжурского купца, на коленях умолявшего простить его дерзость и не выдавать маньчжурским властям. Вверх по реке прозябали те же полуоседлые дауры. Выстроившийся для встречи Н. Н. Муравьева айгуньский гарнизон поражал убожеством своего вида и допотопностью вооружения. На же-

78

лание генерал-губернатора почтить салютом своего гиринского коллегу, последний ответил поспешной просьбой не делать этого, "потому что мы народ мирный, да и наши военные не любят выстрелов".

Все это ясно говорило, что взявший на себя роль охранителя Китая сырой маньчжурский материал разложился окончательно, и что прав был Равенштейн, указывая на полную беззащитность самой Маньчжурии и на возможность для нас в любой момент с одной дивизией дойти до Печилийского залива, а при желании и до Пекина. Его опасения были ошибочны лишь в том отношении, что, вполне довольные бескровным занятием левого берега Амура, сами мы, во-первых, недоумевали, зачем, собственно говоря, нужен нам Печилийский залив? и, во-вторых, были убеждены, что какие бы там сказки ни рассказывала история, а четыреста миллионов все-таки серьезная вещь!

Этот выросший на почве глубокой неосведомленности суеверный страх перед цифрой явился одной из причин непростительно долгого лежания под сукном [проекта] Сибирской железной дороги, о постройке которой хлопотал еще Муравьев. Продолжая смотреть на Азию глазами находившихся в иных условиях и имевших еще кое-какое право не торопиться московских приказов, мы пугались созданного нашим

воображением миража и не замечали следующей убийственной действительности: маленький, но управляемый большими и смелыми людьми островной народ, явясь Бог знает откуда и зайдя с другого конца указывавшейся нам судьбой арены, овладел сначала Ин-

дией и безбоязненно посадил над тремястами миллионами ее семьдесят тысяч своих чиновников. Направившись затем к востоку, он без малейшего колебания подошел к четырехсотмиллионному Китаю, силой заставил его открыть на море все окна и двери, посадил в Пекине своих советников и приступил к работе по закупорке нам выхода к Печилийскому заливу.

В 1801 г. на той пути, по которому со своей сорокатысячной ордой прошел из Маньчжурии в Пекин последний северный завоеватель Нурачу, англичане заняли Ньючванг. Чтобы помочь Китаю поскорее справиться с тайпинским восстанием и сосредоточить внимание на обороне Маньчжурии, они предоставили в распоряжение пекинского правительства майора Гордона. Во время голода 1864 г. посоветовали Китаю направить из провинции Шанзи переселенцев на находившийся до тех пор под строгим запретом север. Наконец, по совету английских специалистов, Китай приступил к укреплению Порт-Артура, устройству арсеналов в Гирине и Мукдене, проведению телеграфа в Айгунь и реорганизации маньчжурских войск. Хорошо понимая всю бутафорию этих мероприятий и смеясь в душе над "желтым неразумием" людей, не могущих разобраться в том, что делается у них же под боком, английская печать, откуда мы и до сих пор черпаем всю нашу политическую мудрость, воодушевление и страхи, заблаговестила о воскресении народа, набальзамированного обычаями, одетого в общий для всех 400000000 мундир, повитого фыныпунем и две

тысячи лет назад улегшегося в каменные гробы своих городских стен, - заблаговестила и произвела нужное ей впечатление....

Если бы не сильная воля Императора Александра III, мы, вероятно, так бы и замерли в почтительном созерцании горизонта, на котором вот-вот появится отрастивший себе новые когти четырехсотмиллионный дракон!

XIX.

Этот созданный исключительно нашим воображением мираж вторично остановил ход нашей истории, и когда в 1891 г. мы приступили, наконец, к постройке Сибирского пути, то благоприятное время для этого было упущено и притом навсегда, ибо вслед за одними соперниками, англичанами, на великую восточную арену стремились уже англосаксы Америки.

Чтобы ускорить движение по своему материку, американцы в 1862 г., т. е. как раз в то время, когда эскадра Лесовского, стоя в Нью-йоркской гавани, охраняла наших "традиционных друзей" от Западной Европы, заложили первую железную дорогу, за которой последовала вторая, третья, четвертая и пятая. В противовес Владивостоку, они к северу от Сан-Франциско основали достигшие в настоящее время огромного развития порты - Сиэтл, Такому и Портланд. Скупив затем через подставных лиц акции Российско-Американской Компании, они почти даром забрали Аляску и вы-

81

толкнули нас из Тихого океана, оставив пока в виде памятника былому нашему величию в этих водах Командорские острова с могилой Беринга... Одновременно с такою материальной подготовкой, американские профессора, писатели и ораторы на страницах серьезных журналов, с университетских кафедр и подмостков общественных собраний начали уяснять народу, что ни одно государство, как бы оно богато ни было, не может существовать исключительно собственными средствами. Подобно верблюду, сберегающему свой горб на случай крайности, ему нужно получать свое питание извне. Этим питанием должна служить заграничная торговля, а образцовому разрешению питательного вопроса надо учиться у англичан. Еще невиданная миром империя этого народа скована цепью, состоящей из трех звеньев: 1) огромного производства необходимых человечеству предметов; 2} облегающих земной шар морских путей с многочисленнейшим подвижным составом, в виде торгового флота, и 3) внешних рынков. Что внешние рынки - это залог материального благополучия, внутреннего мира и высокого умственного развития. Наконец, что, ввиду всего этого, первым шагом американцев к достижению внешних рынков должно быть твердое решение всего народа не допустить ни одно из иностранных государств к приобретению угольных станций на расстоянии 3000 миль от Сан-Франциско и Центральной Америки.

Согласно преподанной в такой форме директиве, поселившиеся на Кубе и Гаваях американские

82

промышленники и торговцы поднимают в 1893 г. восстание на этих островах и поддерживают его в ожидании момента, наиболее благоприятного для открытого вмешательства С.-А. Соединенных Штатов*.

Вместе с тем и на востоке Азии начало свою работу то принесенное в мир англосаксами искусство борьбы за жизнь, посредством которого новые завоеватели создают события и усеивают ими море жизни таким образом, что на этих подводных камнях терпят крушение одинаково и друзья, и враги англосаксов.

Уже с первого дня постройки Сибирской железной дороги специальные американские советники при японском министерстве иностранных дел начали указывать Японии на то, что Россия никоим образом не может удовлетвориться замерзающим на 110 дней в году и лежащим на закрытом море Владивостоком, как конечной станцией своего грандиозного пути, и будет искать нового, более удобного выхода на Корейском полуострове. Помешать этому движению не могли бы ни сама Корея, ни предъявляющие на нее свои верховные права Китай. С утверждением же России на Корейском полуострове, Япония, по словам ее американских благожелателей, оказалась бы на краю гибели; а поэтому ей следовало бы предупредить Россию и самой занять Корею.

* "Восстание на Кубе, - говорит известны" американский дипломат Е. Д. Фелпс, - погибло бы само собою от истощения, если бы оно не поддерживалось и духовно и материально постоянной посылкой подкреплений из Соединенных Штатов, в прямое нарушение наших законов о нейтралитете и договорных обязательств".

83

XX.

Проникшись простыми и ясными доводами своих советников, японское правительство посредством разосланных по Китаю офицеров осмотрело места высадок, дороги, переправы, укрепления; пересчитало китайских солдат, лошадей, пушки, повозки; навело справки о характере и способностях генералов, и в июле 1894 г. неожиданно для всех двинуло свои войска на Небесную империю.

Боями 3 и 4 сентября 1894 г. в Корее и у берегов ее японцы открыли себе путь в Маньчжурию сушей и морем. Одна колонна их переправилась через Ялу и пошла на Фенхуанчен и Хайчен. Другая, высадившись у Бидзыво и севернее Талиенвана, овладела Порт-Артуром. Затем обе колонны соединились, выбросили в марте 1895 г. китайцев за Ляохэ, и Япония объявила о своем намерении удержать за собою все пройденные ее войсками земли.

Но, протягиваясь, таким образом, от Сахалина через всю Корею и южную Маньчжурию до устьев Ляохэ, Япония, во-первых, совершенно загораживала собою выход для нас к Желтому морю и, во-вторых, становилась в угрожающее положение по отношению к Пекину. Само собой разумеется, что это обстоятельство должно было повлечь за собою сближение России и Китая.

Не любя в японцах умаленное и искаженное изображение своей собственной цивилизации и считая их народом недостаточно самостоятельным в своих мнениях, обидчивым и готовым лезть в

84

драку, не подумав раньше, выгодна ли она им самим, Китай сейчас же обратился к заступничеству своего северного соседа, и, по совету России, Германии и Франции, Япония принуждена была взять свои требования обратно.

Будь японцы немножко прозорливее и не оправдывай они только что приведенное в мягкой форме мнение об них старика Лихунчанга, то после первого же данного им жизнью урока они должны были бы заметить всю ошибочность их столь же блестящей, сколько и вредной для государственных интересов китайской кампании.

Устремив, по внушению своих предательских советчиков, внимание на теплые и богатые для нас, но бедные и холодные для них Корею и Маньчжурию, они, прежде всего, сами отводили себя в совершенно противоположную сторону от той богатейшей страны, к которой направлялись англичане, американцы и русские. Вылезая затем из своей окруженной широкими бездонными рвами крепости на материке, они - из свободного в действиях народа, имевшего возможность, подобно Англии, развить свою промышленность и распространить свою деловую энергию на всю арену - добровольно превращались в англосаксонского караульщика, становившегося у северных ворот и обязывавшегося не пропускать русских до прибытия в Азию американцев.

Россия насильно сняла их с этого поста и перевела на южные рельсы, но у японцев хватило государственной мудрости лишь на то, чтобы запомнить насилие, а наша дипломатия не могла помочь им сдвинуться с места, потому, что, сосредо-

точив все свое внимание на Маньчжурии, сама не замечала того, что делалось за пределами последней*.

XXI.

Получив за свою помощь Китаю в аренду Ляодунский полуостров и право на проведение по Маньчжурии железной дороги к Владивостоку и Порт-Артуру, Россия достигла, наконец, теплого моря, а вместе с ним и возможности освободить хотя бы одну ногу от тех ледяных кандалов, от которых на ее теле начала появляться уже нехорошая краснота.

Но не успели еще наши обреченные на вечное скитание по чужим портам моряки бросить якорь в столь желанной собственной бухте, как в тот же миг по другую сторону Печилийского залива над никого не интересовавшим до той поры Вейхай-веем затрепетал в воздухе английский флаг. Вслед за тем у берегов Кубы взрывается и тонет, унося с собою на дно моря какую-то страшную

* В одной из своих речей, произнесенной на обеде Тобо Киокаи 12 декабря 1903 г., первый оракул Японии граф Окума сказал, между прочим, следующее: "После вмешательства России, Германии и Франции в 1895 г. решено было оставить в покое север и наступать к югу. На юге были Филиппины и Гаваи. Затем еще далее к экватору и полюсу - Океанские острова и Австралия. Соседние страны встревожились... Не помню точно, в августе или сентябре 1895 г. между Японией и Испанией заключен был договор, которым обе державы обязывались взаимно уважать неприкосновенность их владений. Таким образом, наступление к югу было остановлено, на севере все оставалось по прежнему, и наш народ вынужден был подчиниться своей судьбе...".

тайну, американский крейсер "Мэн". И вот наэлектризованный до последней степени и ждавший лишь первой искры американский народ с яростным ревом "To hell with Spain!"* бросается на ни в чем, кроме своей слабости, не повинную Испанию.

С помощью все время поддерживавшихся ими кубинских и филиппинских революционеров, американцы овладевают Кубой, Гуамом и Филиппинами и, таким образом, в несколько скачков оказываются в самом центре великой восточной арены...

По окончании войны победитель испанского флота под Манилой командор Дюи буквально засыпан был почестями. Все некрасивые сооружения американских жилищ по его пути исчезли под пестревшими всевозможными красками флагами, материями, цветами и зеленью; толстый ковер из живых роз покрыл собою мостовую; сотни тысяч мужчин с обнаженными головами оглушительными криками приветствовали своего национального героя; красивейшие женщины С. Штатов считали за счастье прикоснуться губами хотя бы к обшлагам его мундира; конгресс благодарил его от имени народа и поднес роскошный дворец, а сенат - чин полного адмирала.

Из застольных речей на банкете, данном в честь прибывших на торжества англичан, выяснились затем и внутренние причины столь необычайного триумфа. В то время как английский философ Бенджамин Кидд ставил победу Дюи рядом с побе-

* В ад вместе с Испанией" (англ.).

дой Веллингтона, американские ученые видели в ней событие, равное победе Карла Мартелла 732 г., положившей начало отступлению с жизненной арены мавров. Ибо, по словам профессора Гиддингса, в бою под Манилой зашедшие с юга Азии англосаксы направляли свои орудия через головы уже повергнутых ими испанцев против великой славянской державы и открывали борьбу, которая к середине XX столетия должна будет закончиться торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре.

XXII.

План этой борьбы, разработанный самыми сильными англосаксонскими умами и доведенный до сведения народа посредством сотен тысяч экземпляров сочинения адмирала Мэхана1, сенатора Бевериджа, Джозайи Стронга и других выдающихся своими талантами писателей, заключался, в общих чертах в следующем.

Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ. Полная удаленность его от мировых торговых трактов, т. е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинуясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии.

На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия, население которых истощило уже свою творческую энергию. Между тем страны эти нуждаются во многом. Уже одна постройка десятков тысяч верст железных дорог явилась бы широким полем деятельности для русских инженеров, оживила бы русскую промышленность и дала бы русскому народу обильные средства для дополнительного питания и для развития его высоких от природы физических и духовных качеств, что в свою очередь сделало бы его еще более сильным соперником англосаксов.

При таких условиях необходимо:

I. Уничтожив торговый и военный флоты России и ослабив ее до пределов возможного, оттеснить от Тихого океана в глубь Сибири.

II. Приступить к овладению всею полосой южной Азии между 30 и 40 градусами северной широты и с этой базы постепенно оттеснять русский народ к северу. Так как, по обязательным для всего живущего законам природы, с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то и наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избегнет своей участи.

Выполнение первой из этих задач требует сотрудничества главных морских держав и тех политических организаций, которые заинтересованы в разложении России.

Теперь, что касается второй задачи, то самая середина вышеуказанной полосы, заключающая в себе Тибет и Афганистан, будет занята с главной английской базы - Индии, а в отношении

Китая, с одной стороны, и Персии и Турции, с другой, должны быть приняты особые меры.

Вопрос о том, что делать с Китаем, правительство и народ которого, не зная и не желая прогресса, вполне довольны своим неподвижным состоянием, - весьма сложен. Само собою разумеется, что здесь не должно быть и речи о выселении нынешних обитателей - это было бы невыполнимо. Но, во всяком случае, нынешний император не может оставаться на престоле и столица должна быть перенесена подальше от русского влияния - на Янтсекианг, а затем, как будет организовано дальнейшее управление страной, т. е. учреждением ли нового англосаксонского вицекоролевства, подобно тому, как в Индии, или же постановкой правительства в номинальное положение, как в Египте - это подробности, говорить о которых преждевременно.

В прошлом подобные перемены совершались обыкновенно так. Первой являлась в страну частная торговая предприимчивость. При неспособности местных властей регулировать сложные интересы пришельцев, начинали возникать недоразумения, дававшие повод к вмешательству иностранного государства в целях защиты своих подданных. Вмешательство это не ограничивалось простым исправлением ошибок и обязательством не делать их в будущем, а непременно получением права на участие в местном управлении. Раз посеянные таким образом семена начинали прорастать я с течением времени покрывали собою страну. Переходя, наконец, к правому русскому

флангу, вообразим на месте нынешнего турецкого хаоса в Малой Азии, Сирии и Месопотамии высокоцивилизованное современное государство с хорошо организованными армией и флотом. Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана.

Такое государство не существует еще, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем. Процесс образования его должен начаться извне, ибо и турецкое, и персидское правительства в достаточной степени обнаружили свою неспособность к обновлению управляемых ими народов. Затем в отношении местного населения не следует забывать принцип, что естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства*...

XXIII.

Так как для выполнения первой части (I) этого плана одной Японии, тщательно подготовлявшейся к войне с Россией, было недостаточно, а сами англосаксы выступать против нас открыто не имели в виду, то естественно возникает вопрос, ка-

* Блестяще обработанный для публики А. Мзханом план этот напечатан был в марте, апреле и мае 1900 г. в "Harper's New Monthly Magazine" и в "North American Review", а затем статьи собраны в отдельную книгу "The Problem of Asia and its Effect upon International Policies", by A. T. Mahan. ["Проблема Азии и ее воздействие на международную политику"].

кие же еще силы должны были войти в состав организовавшейся против нас тайной коалиции?

Раньше, чем ответить на него, считаю необходимым сказать несколько слов о так называемой стратегии "передовых баз". Собираясь, например, воевать с тою или

другой страной, римляне заблаговременно поселяли в ней своих людей, которые посредством связей с населением и близкого знакомства с краем оказывали большие услуги римским армиям при вторжении их в эту страну.

Этот первобытный вид передовых баз был усовершенствован затем англичанами следующим образом. В средние века в Западной Европе существовал союз каменщиков, занимавшихся исключительно постройкой церквей готического стиля. Желая удержать за собою монополию этого выгодного труда и ревниво охраняя поэтому тайну своего искусства, каменщики выработали особый, строго соблюдавшийся ими обряд при приеме в цех нового члена и при производстве работ. Каждый день на рассвете все рабочие собирались на открытом месте и выстраивались полукругом перед главным мастером, который становился спиной к востоку, чтобы при восходящем солнце хорошо разглядеть лица - нет ли среди рабочих чужого. Из той же предосторожности все объяснения предстоявших работ давались на условном языке. Затем рабочие отправлялись в "ложу", или сарай, где хранились инструменты и, разобрав последние, становились на работы...

С появлением стиля ренессанс, готический стиль начал выходить из моды и с течением времени сильно интересовавшая всех своей таин-

ственностью масонская организация умерла естественной смертью, но устав ее сохранился. Случайно наткнувшись на него, талантливые артисты в игре на человеческих слабостях, англичане решили воспользоваться им для организации нового союза строителей, целью которых было бы "нравственное самоусовершенствование, равносильное возведению символического храма" - или, правильнее, создание британского могущества!

Первая, или "великая ложа" основана была в Лондоне в 1717 г. и, чтобы сделать новое масонство вопросом моды, на должность мастера выбрано было высокопоставленное лицо, а распространение нового масонства по другим странам взяли на себя английские аристократы. Вслед за новыми ложами в Англии, лорд Дервенсватер, дворянин Момелон, сэр Гентри и несколько других английских джентльменов устроили ложи во Франции. Великий мастер граф Стратмор дал посвященным в Лондоне одиннадцати немецким господам и добрым братьям разрешение на открытие лож в Германии. Секретарь английского посольства в Стокгольме Фулман получил приказание лорда Банлея организовать ложи в Швеции. Лорд Гамильтон открыл ложу в Женеве; герцог Мидлэссекский - во Флоренции, Милане, Вероне, Падуе, Венеции и Неаполе; лорд Калейран - в Гибралтаре и Мадриде; Гордон - в Лиссабоне, Миних - в Копенгагене; капитан Филипс - в Петербурге, Москве, Ярославле и Архангельске.

Как общее правило, в члены лож принимались только лица, наиболее влиятельные по своему об-

щественному или служебному положению. Затем для заведования ложами в каждой стране назначалась СБОЯ "великая ложа", великий мастер которой, нося звание провинциального, в СБОЮ очередь подчинялся английской ложе. Таким образом, все государства Европы превращены были в своего рода английские провинции. На ритуалах лож читалась особая молитва за английского короля. Местные английские

дипломаты были наиболее почетными членами лож, а наезжавшие из Лондона члены ложи-родоначальницы - наиболее почетными гостями.

Само собою понятно, какую роль должны были сыграть эти идеальные передовые базы в образовании бесконечных коалиций против Франции, или, как говорилось в ложах, - антихриста Наполеона, - и впоследствии, когда патриархом масонов был лорд Пальмерстон, а в подчинении у него, по масонской иерархии, состояли Кошут, Гарибальди, Мадзини, Ратацци, Кавур и даже Наполеон III...

XXIV.

Направившись по стопам англичан и распространив сначала, благодаря организаторскому таланту Альберта Пайка, сеть своих наблюдательных треугольников на четыре пятых земного шара, американцы перешли затем к образованию в чужих странах таких передовых баз, на которых они могли производить уже формирование револю-

ционных армий, как, например, в Мексике, на Кубе и Филиппинах.

С такой именно целью обратили они свое внимание и на прусских нигилистов. Но после основательных разведок, произведенных в Европейской России и Сибири, увидели, что слабовольная, расплывшаяся в море неопределенных желаний русская молодежь даже в разрушительной работе может играть лишь подчиненную роль. Организовав поэтому в Нью-Йорке, Филадельфии, Питсбурге, Бостоне и других городах "Общество друзей свободы России" и поместив на выставке и у подъезда людей с русскими именами, американцы в действительности сделали из этого общества главный орган для управления действиями еврейского народа.

Действия же эти состояли вот в чем:

В начале шестидесятых годов прошлого столетия захваченные потоком националистического движения в Западной Европе, Гесс, Легран, раввин Калишер и другие еврейские мыслители начали говорить своим единоверцам, что и им не следует сидеть сложа руки в ожидании того времени, когда придет Мессия и водворит их снова в Палестине, а нужно самим приниматься за работу и основывать на старом пепелище свои колонии.

Под влиянием этой проповеди Моисей Монтефиоре устроил в 1869 г. близ Яффы колонию Песах Тикво и открыл в ней земледельческую школу Микво Израиль. Хотя колония росла плохо, но осведомленное о намерениях сионистов турецкое

правительство относилось к ней недоброжелательно.

Это препятствие, с одной стороны, и начавшееся на Западе Европы антисемитское движение - с другой, вызвали у евреев стремление к группировке в общества Ховове Цион (друзей Сиона]. Такие общества появились в Париже, Вене, Гейделъберге, Галиции, Румынии, Болгарии, Варшаве, Вильне, Киеве, Одессе и Харькове.

В 1887 г. состоялся первый сионистский съезд в Варшаве, на котором постановлено было, ввиду противодействия Турции, прибегнуть к "практической

инфильтрации". Этим контрабандным путем евреям удалось перевезти в Палестину около 5000 своих переселенцев.

Но в 1890 г. организовавшийся в Париже Центральный Комитет решил направить дальнейшую деятельность сионистов не на колонизацию Палестины, а на культурное развитие еврейского народа и на создание новой системы национального воспитания. Палестина же, в которой имелось уже ядро будущей колонизации, должна была до поры до времени служить духовным центром еврейского народа.

Наконец в середине девяностых годов Герцлем предложен был переход к "политическому сионизму", т. е, к объединению всех евреев в официальный союз, который путем международных соглашений добился бы от Турции уступки Палестины...

Быстро превращаясь, таким образом, из мелких сектантских кучек, группировавшихся вокруг

96

синагог и раввинов сначала в крепко связанные священной для каждого тайной общества, предводимые способными, деятельными вождями, а затем и в незримую, вследствие отсутствия территории, державу, евреи, с такою же быстротой и последовательностью, переходят в наступление против русской государственности.

До мозга костей проникнутые национальной идеей, болезненно любящие свое воображаемое государство, - эти, не стесняющиеся гримом актеры, надевают на себя маску презирающих "национальные предрассудки" социал-демократов и цинизмом своего красноречия до такой степени увлекают хлипкую русскую молодежь, что в короткий промежуток времени с 1886 по 1888 гг. вся западная и южная Россия, точно скарлатиной, покрывается красными пятнами социал-демократических кружков.

Довольный таким успехом, центральный комитет отдает после этого приказ перейти от кружковой пропаганды к широкой агитации. Главная цель последней, как говорилось в наставлениях: "Об агитации" и "Письмо к агитаторам", должна была состоять в том, чтобы навербовать возможно большие силы, с которыми в благоприятный политический момент можно было бы выступить на защиту специально еврейских интересов.

Согласно этой инструкции ряженые апостолы социализма смело прокладывают путь на фабрики, заводы, в мастерские и храмы науки, где на алтарях русской мысли водворяют давно осмеянного Западом Карла Маркса.

97

С 1894 г. по распоряжению того же комитета начинается наводнение России подметной литературой. Издеваясь в ней над нашим патриотизмом, нашими обычаями, нашей религией, разжигая сословную ненависть, внушая вражду к правительству, неуважение к Верховной Власти и умножая таким опустошением русской души толпу "Иванов, не помнящих родства", евреи начинают организовывать из последних боевые дружины. С 1896 г. они орудуют уже стачками и забастовками, во время которых еврейские командиры демонстративно водят по улицам столиц и больших городов толпы бесчинствующей молодежи и рабочих. В 1897 г. формируется полевой штаб еврейской армии, известный под именем Бунда. В 1900 г. следует распоряжение, - не прекращая, а наоборот, усиливая действия по ввозу запрещенной

литературы, в то же время обратить внимание на периодическую печать в целях насыщения широких масс полезными еврейству идеями.

Постепенно забирая, таким образом, в свои руки влияние и власть, евреи заявляют сначала, что на всех совещаниях революционных комитетов русский язык должен уступить место еврейскому жаргону, иными словами выталкивают в свои передние даже прислуживавших им профессоров, а в 1902 г. на четвертом съезде бундистов вырабатывают уже требования: 1) "Обеспеченной законом возможности для еврейского населения употреблять родной язык в сношениях с судами, государственными учреждениями и органами местных и областных управлений". 2) " Национально-

культурной автономии, выражающейся в изъятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования" и т.д.

К этому времени еще завешенное дымкой грядущего, но уже заметно обнаруживавшее свои контуры Царство Израильское имело в своем распоряжении внутри России 5000 фанатически преданных делу агитаторов, мужчин и женщин; 30 000 боевой дружины, из так называемых социал-революционеров, и в помощь Бунду четырнадцать полевых штабов: в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродне, Вильне, Двинске, Ковне, Витебске, Минске, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Житомире и Риге. Четвертый съезд решил распространить эту организацию на Одессу, Нежин, Киев, Екатеринослав, Прилуки, другие города и местечки Европейской России, на Кавказ и Туркестан.

Мало того, при врожденных способностях к "практической инфильтрации", тонкой пылью проникая во все тайники нашей государственной и общественной жизни и всюду неся с собою микробы разложения, евреи в то же самое время основательно высмотрели все самые чувствительные места, куда можно было бить нас без промаха...

Вот какая чудовищная "передовая база" устраивалась в течение многих лет внутри России!

XXV.

Превосходно зная всю подноготную нашего расположения на театре борьбы за жизнь, степень готовности, характер наших государственных людей и т.д., наши противники англосаксы не могли, конечно, ошибиться и Б расчете сил, который был сделан ими следующим образом:

Для открытого удара на наш левый фланг, или, по выражению американцев, для разрушения нашей "Восточной Империи", предназначалась Япония, постепенно приучавшаяся смотреть на наш быстро выраставший торговый флот, Корею и устраивавшуюся нашим трудом и на наши деньги Маньчжурию, как на свою собственность.

В качестве политического резерва, долженствовавшего регулировать ход событий, подготовлялись:

1) Еврейский народ, которому, ввиду его нынешней многочисленности и невозможности удовлетвориться одной Палестиной, обещана была для образования самостоятельного Царства Израильского территория между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом.

и 2) Сорганизовавшиеся под руководством евреев партии революционеров разных наименований, обнадеженные тем, что с разгромом России им будет предоставлена возможность создать из нее целый ряд новых государств по принципам французской революции и Карлу Марксу.

Роль же самих англосаксов и необычайное искусство их, как закулисных деятелей, выплывут

100

наружу, если мы обратим внимание на следующие факты.

В течение всей войны 1904-1905 гг. державшийся в полной боевой готовности внутри России политический резерв не только ни разу не был пущен в дело, но даже случайно вырвавшиеся из рук 9 января 1905 г. части его были тотчас же отведены на место, - ибо успешно действовавшая против нашего левого фланга Япония могла обойтись без подкреплений. Но вот, после того как пал Порт-Артур, армии наши были вытеснены из южной Маньчжурии и флот погиб под Цусимой - по сигнальной ракете, выпущенной Лодзью, 10 июня - 14 июня вспыхивает бунт в Севастополе, 15-го в Одессе и Либаве; 17-го в Кронштадте и Свеаборге... Те из читателей, кто хоть немножко знаком с действиями войск на театре войны, сейчас же поймут истинный смысл и этих событий на театре борьбы за жизнь, а именно - вслед за поражением наших морских сил в Желтом море еврейская кавалерия брошена была на Черное и Балтийское моря для преследования русского флота на самих базах его.

Спрашивается, однако, в чьих же интересах были, - благодаря Богу неудавшиеся, - взаимный расстрел и потопление Черноморской эскадры, разгром доков, мастерских, словом полное высаживание России на сушу? Разумеется, в интересах вполне зримых и притом морских держав.

Затем, с приближением срока ратификации Портсмутского договора, опасаясь, что одинаково недовольные последним и Россия, и Япония не

101

пожелают вывести свои войска из Маньчжурии, что повлекло бы за собою деморализацию местных китайских властей, новые осложнения, а может быть и новую, более удачную для России войну - творцы событий закрывают сундук и прекращают истощившейся в денежном отношении Японии кредит. В то же время державшиеся на англосаксонской цепи лунатики отпускаются на свободу, и на всем пространстве России под истерические взвизгивания еврейской печати начинается бешеная пляска революционных дервишей вокруг костров из помещичьих усадеб.

В результате обе стороны спешно увозят свои армии из Маньчжурии*...

XXVI.

Совокупными усилиями этой тайной коалиции едва пробившаяся к теплому и открытому морю, Россия была немедленно оттеснена назад. Третий по величине флот ее уничтожен. Гордость нашей цивилизации - Великий Сибирский путь, продолженный посредством пароходства до устья Янтсекианга и обещавший сделаться одною из доходнейших государственных статей, обломлен и из междуокеанского тракта превращен в тупик, ибо с захватом японцами половины Сахалина, Кореи и Южной Маньчжурии мы не можем уже выйти

* Чтобы не быть заподозренным в особой проницательности, рекомендую проверить эту "догадку у Фредерика Маккормика в его "The Tragedy of Russia in Pacific Asia" ["Трагедия России в Тихоокеанской Азии" - англ.] том II, стр. 387.

из нашего дома иначе, как по японским коридорам и под жерлами японских пушек.

Но так как для неудержимо стремящихся к мировому господству англосаксов борьба за жизнь представляет собою не что-нибудь особенное, к чему нужно готовиться годами, а правильный ежедневный труд, то непосредственно за войной 1904-1905 гг. следует целый ряд новых событий впереди нашего фронта, т. е. в странах, занимающих полосу Южной Азии между 40 и 30 градусами северной широты.

Прежде всего, перед серединой фронта англичане со своей Индийской базы гигантским скачком устремляются к северу, включив по конвенции 18-31 августа 1907 г. в сферу своего влияния Тибет, Афганистан и замыкающую выход к Индийскому океану южную половину Персии.

Затем прибывший в Тегеран со своею боевой дружиной Ефрем, совместно с получившими образование в американских университетах молодыми персами, свергает с престола шаха Мохаммеда-Али и расчищает, таким образом, путь целому отряду американских администраторов, и посейчас, кроме Моргана Шустера, преспокойно работающих в Северной Персии столько же против этой страны, сколько и против России.

Одновременно с этим в сплошь населенных евреями Салониках, в масонских ложах "Македония" и "Ризорта", образуется страшный застенок, известный под именем "Салоникского комитета", или "Комитета Единения и Прогресса", где шайка еврейских националистов во главе с Эмануэ-

лем Карассо и Джавидом-беем решает участь когда-то приводившей в трепет всю Европу Турции и главы всего мусульманского мира - султана Абдул-Гамида.

Наконец наступает очередь и Китая, который после своих разнообразных опытов с англичанами и американцами смело мог бы сказать теперь - "плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!".

Как известно, во время боксерского восстания 1900 г. в числе наступавших к Пекину войск находился и маленький американский отряд генерала Чаффи, за что Китай должен был заплатить С.-А. Соединенным Штатам двадцать восемь миллионов рублей контрибуции. Но в следующем году американцы предложили китайскому правительству, взамен уплаты этих денег, устроить на них в Гонане отделение Йельского университета, основать в разных местах Китая американские школы и сверх

того отправлять в американские университеты наиболее способных молодых китайцев - в течение первых четырех лет по сто человек, а далее по пятидесяти*.

Очарованный таким великодушием, богдыхан снарядил в Вашингтон особое посольство для выражения благодарности американскому народу за бескорыстную дружбу и покровительство. Но благодарить было не за что, ибо посредством насыщенных за китайский же счет революционным

* Прилив в американские университеты азиатской молодежи начался с 1896 г. Первыми приглашены были японцы, за ними персы, турки, индийцы, сиамцы и китайцы.

104

ядом воспитанников своих школ англосаксы одним дуновением своей политики, точно карточный домик, разрушили старейшую в мире монархию.

После чего Китай, впредь до окончательного превращения его в "Индию" или "Египет", поступил в распоряжение англосаксонских финансистов во главе с гениальным дельцом Пирпонтом Морганом. Первый скромный шаг на этом пути намечен уже проектом Суньянцена на передачу англосаксам постройки 100000 верст железных дорог, т. е. всей нервной системы государства.

И так, окидывая взглядом наше нынешнее положение на театре борьбы за жизнь, мы видим следующее:

Вытеснив нас сначала с американского берега и северной части Тихого океана, англосаксы перенесли затем свои наступательные действия против нас на азиатский материк. При чем войной 1904-1905 гг. они отбросили наш левый фланг от Желтого моря и забаррикадировали его Японией от Сахалина до устья Ляохэ; а с целью возведения подобной же баррикады вдоль всего нашего фронта, - за четыре последних года разрушили три южно-азиатских монархии и распространили сферу своего влияния на весь юг Азии до 40 градуса северной широты.

Новый наступательный акт их начнется с открытием Панамского канала и одновременным перенесением столицы Индии из Калькутты в лежащий на самом севере Индийского полуострова

105

Дели. К этому времени систематически разжигаемая вражда к нам южно-азиатских народов примет еще более острую форму, кроме того, будут закончены и новые "передовые базы" внутри России. Но успех наступательных действий на нашем фронте будет много зависеть от хода событий, тщательно подготовленных с 1905 г, на правом фланге нашего государства, т. е. в Европе.

XXVII.

Для того, чтобы добраться до главного узла нынешних крайне сложных и крайне запутанных европейских событий, начнем с выяснения следующего обстоятельства.

При совершенно незнакомых нам приемах борьбы за жизнь и непохожей на наше "иду на вы" этике, англосаксы пользуются, между прочим, как орудием их политики, такими принципами, скрытый смысл которых обнаруживается лишь впоследствии. Так, например, кроме доктрины Монро, расшифрованной уже, как "Америка для С.-А. Соединенных Штатов", или "Hands off"*, почувствованного нами

после Берлинского конгресса, - покойный Джон Гей изобрел "Integrity of China"**, т. е. устранение всех претендентов на обладание какой-либо частью Китая, ввиду того, что эта страна должна целиком перейти под власть англосаксов, и т. д.

* "Руки прочь" (англ.) (Прим. ред.).

** "Объединение Китая" (англ.] (Прим. ред.).

К числу таких политических двусмысленностей принадлежит, по-видимому, и знаменитое "The ballance of power in Europe"*, более ста лет служившее основой всех союзов и соглашений Европейских держав. По крайней мере, вот как смотрят на него сами англичане:

"До тех пор, - пишет довольно известный английский публицист подполковник Поллок, - пока Европейские державы разделены на группы и мы в состоянии будем противопоставлять их одну другой, Британская Империя может не опасаться никаких врагов, кроме Палаты Общин. Совсем не из любви к прекрасным глазам Франции решаемся мы поддерживать ее против Германии, как не из рыцарских побуждений становились мы на защиту угнетенных наций сто лет назад."

"В международной политике нет места чувствам".

"Мы сражались с Наполеоном не на жизнь, а на смерть по тем же причинам, по каким в ближайшем будущем будем сражаться с Германией или позднее с другой державой.

"Короче говоря, наша внешняя политика в высокой степени эгоистична и не потому, чтобы мы желали этого, а потому, что у нас нет выбора. Если бы мы не защищали Лондона на полях континента, мы напрасно старались бы сделать это на Сорейских холмах, венчающих собою равнины Восточной Англии. Наше назначение и состоит в том, чтобы быть или вершителем европейских дел, или ничем!"

* "Баланс сил в Европе" [англ.) [Прим. ред.).

Таким образом, уже из этих слов мы видим, что с точки зрения англичан группирующиеся по принципу "равновесия сил" континентальные державы представляют собою своего рода плюс и минус, взаимно парализующие друг друга и этим обеспечивающие Англии свободу действий на всем земном шаре.

А теперь посмотрим, что скажет нам по этому доводу история?

Известно, что свою блестящую карьеру завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начали с разгрома Голландии. Живя у большой дороги и долгое время с завистью следя за тем, как по каналу, гордо надув свою белую грудь, целыми караванами проходили нагруженные драгоценнейшими произведениями тропиков голландские "купцы", бедный, но сильный мускулами и волей английский народ не выдержал испытания. 10 июня 1652 г. Государственный Совет Англии приказал адмиралу Блэку захватить возвращавшийся из Индии голландский флот.

В эту первую войну, начатую без всякого предупреждения противника, англичане изловили 1700 плохо застрахованных голландским правительством кораблей, общей ценностью в шесть миллионов фунтов стерлингов, и этим сильно поправили свой бюджет, едва достигавший одного миллиона фунтов стерлингов.

Во вторую войну они большей частью своего флота заблокировали Голландию, а меньшую отправили для хозяйничания в голландских колониях. С третьей же войной Голландия из первого

поставщика на всю Европу колониальных товаров начала быстро превращаться в едва сводящего концы с концами табачного и кофейного лавочника.

После этого англичане перенесли свои наступательные действия против Испании, и спустя недолгое время эта обленившаяся под ласками никогда не заходившего в ее владениях солнца держава узнала, что такое сумерки.

Наконец наступила очередь Франции.

XXVIII.

В 1784 г. во главе правительства уже разбогатевшей, цивилизовавшейся и достигшей могущества Англии поставлен был любимый сын лорда Чатама - Вильям Питт. Этот стройный и худенький 25-летний юноша с девичьей улыбкой и розовым цветом лица явился воплощением гения англосаксонской расы. Почтительный к верховной власти и конституционалист до мозга костей, он с таким же тактом отстаивал свои мнения перед Королем, с каким внушал свою волю народным представителям. Никогда не выезжавший из Лондона, благодаря неусыпному труду, от которого не мог оторваться даже для женитьбы, он понимал Англию и Европу как ни один из современных ему государственных деятелей. Считая себя вполне счастливым тем, что он сын Англии, он не признавал для себя никаких наград, и все свое честолюбие видел в величии своей родины.

Первым шагом его по вступлении во власть было освободить кабинет от вредных на рабочем месте говорунов и людей, стеснявших его громоздкими титулами. Вместо них он подобрал себе помощников из лучших знатоков торгового морского дела и приступил с ними к разработке плана борьбы со стоявшей на английской дороге державой, выразившегося в следующей форме:

"Отрезать Францию от всего коммерческого мира так, чтобы она представляла собою как бы один портовый город, блокированный с моря и с суши".

Для чего - усилить английский флот и не останавливаться перед затратами как на поддержание внутренней смуты во Франции, ослаблявшей внешнюю обороноспособность этой страны, так равно на субсидии и займы для образования коалиций, ибо каждая вступающая в войну континентальная держава, работая на полях сражения в пользу Англии, в то же время переставала быть соперницей англичан на арене промышленности и торговли.

Иными словами, готовясь к войне с Францией, великий вождь английского народа Питт заранее наметил всю остальную материковую Европу, как базу, на которой посредством торговли он мог добывать золото, а посредством золота формировать коалиции для методических ударов в правый фланг и тыл своего противника и отвлечения его, таким образом, от фронтального нападения на Англию.

Смелости этого замысла вполне соответствовало и искусство выполнения его.

XXIX.

Постепенно разогревавшаяся как собственным внутренним огнем, так и подбрасывавшимися под нее услужливыми англичанами вязанками дров, королевская Франция представляла собою в то время огромный, все более и более переполнявшийся парами недовольства котел. Встревоженный таким состоянием своей монархии, Людовик XVI хотел поставить ее на рельсы последовательных преобразований и в январе 1789 г. издал "lettres patentes" о созыве для выяснения народных нужд Генеральных Штатов. Но этого предохранительного клапана было уже недостаточно. Съехавшись в Версаль в мае того же года, Генеральные Штаты, спустя всего лишь месяц, объявили себя Учредительным Собранием, явившимся для выработки таких основных законов, в силу которых могли бы принимать участие в управлении государством лица, избранные народом. Затем в ночь с 12 на 13 июля последовал первый оглушительный взрыв, и сквозь широкую бастильскую расщелину хлынул поток революции...

Сильный напор ее на все внутренние перегородки веками возводившегося Капетингами государственного здания Франции поразила паническим страхом высшие классы французского общества. Следуя примеру брата короля, прежде всего устремилось за границу дворянство; за дворянами - богатое купечество; за купцами - духовенство. Наконец, не вынеся шума печати, резких выступлений клубов и уличных манифестаций, 20 июня 1791 г. выехал из Парижа к ожидав-

шей его в Монмеди маленькой армии и сам король.

Этот отъезд главы государства страшно повредил его престижу и усилил республиканскую партию, выступившую с требованием об уничтожении королевской власти.

Хорошо понимая, какими вредными последствиями мог угрожать государству столь резкий скачок, уже заканчивавшее свои занятия по разработке конституции и формированию нового правительства Учредительное Собрание обратилось к задержанному в Варене и возвращенному в столицу Людовику XVI с просьбой занять оставленный им престол и дать клятву в верном соблюдении заключенного им с народом договора.

Этим актом оно завершило свою деятельность и уступило место новому Собранию народных представителей, получившему название Законодательного, и долженствовавшему, согласно конституции 1791 г., работать над преобразованием государственного и общественного строя совместно с королем. Для того же, чтобы дать представление о размерах предстоявшего новым законодателям труда, достаточно привести такой пример. Постепенно наращивавшие свои владения Капетинги составили Францию из тридцати двух различных по величине провинций. Это неравенство резало глаза Учредительному Собранию, и оно, насилуя историю и географию, решило разбить страну на восемьдесят три одинаковых по своей площади клетки, названные департаментами и подразделявшиеся в свою очередь на уезды, волости и общества. Худо ли, хорошо

ли было это новое деление, во всяком случае, сообразно с ним нужно было реорганизовать администрацию, местные суды и полицию. Затем, с устранением прежней системы налогов, внутренних таможен, дорожных пошлин и т. п. предстояло переделать заново систему государственных доходов и т. д. и т. д.

Подобная работа требовала для своего выполнения, кроме добросовестности и любви к делу, еще и большого опыта. Между тем, подавляющее большинство новых депутатов составилось из пылкой молодежи, воспитанной в школах на истории Греции и Рима и желавшей поэтому лишь одного - сделать из Франции Афинскую республику.

Обладая сильно развитым на митингах красноречием, новые законодатели, едва переступив порог парламента, сейчас же повели энергичную атаку и на призывавшую их к малознакомому и тяжелому труду конституцию, и на короля. Последний же, не имея после смерти Мирабо ни одного сколько-нибудь надежного советника, решил искать поддержки во "внешней Франции", т. е. у поступивших в тесные сношения с Англией эмигрантов.

Во время этой с каждым днем обострявшейся борьбы законодательного собрания с королем сама Франция находилась в весьма опасном положении. Рухнувший под ударами конституции королевский строй лежал в развалинах. С выездом за границу богатых классов промышленность и торговля упали, и массы рабочего люда выброшены были на улицу. Лишившиеся вследствие ухода со службы дворян около половины своего команд-

113

ного состава, армия и флот были дезорганизованы.

XXX.

При таких условиях, чтобы окончательно столкнуть Францию в бездну анархии и сделать ее еще менее способной к обороне, Питт летом 1792 г. двинул против нее Австрию и Пруссию, представлявшие собой авангард уже подготовленной им огромной коалиции.

При первой же встрече с неприятелем на границах Бельгии французы убили одного из своих генералов Диллона и бросились врассыпную. Хотя единственной причиной столь печального события было страшное ослабление дисциплины во французских войсках, тем не менее, умышленно искажая истину, якобинский клуб обвинил во всем противников революции, распространивших будто бы панику криками "спасайся, кто может", и газета Марата начала требовать уже "для обеспечения мира и благополучия Франции от 500 до 600 голов".

Вслед за этим, в ответ на дерзкий манифест главнокомандующего прусской армией герцога Брунсвикского, требовавшего, под угрозой военной экзекуции Парижу, немедленного восстановления Людовика XVI в правах самодержавия, министр Верниo бросил с трибуны фразу: "Пруссаки наступают во имя Короля!" Фраза эта точно молния облетела столицу, и огромная толпа народа, предводимая Дантоном, Сантэром, Лежанд-

114

ром и Вестерманом, направилась к Тюльерийскому дворцу и вступила в бой с заграждавшей ей дорогу стражей. Спасшийся через сад Людовик XVI отдал себя под

покровительство законодательного собрания. Последнее постановило арестовать короля и поместить в замок Тампль, а для решения дальнейшей участи его и выработки новой формы правления государством созвать новое собрание народных представителей.

В наступивший таким образом период междуцарствия, составившийся из самых ярых революционеров муниципалитет г. Парижа, под именем Парижской Коммуны, захватил в свои руки власть над столицей и подчинил себе кабинет министров. Чтобы поскорее расправиться со своими противниками, члены муниципалитета начали врываться в частные жилища и, сыпля направо и налево обвинения в государственной измене, наполняли тюрьмы лицами, объявлявшимися ими подозрительными. Затем, 2 сентября 1792 г., собрав по тревоге на Марсовом поле новые массы народа для постройки укрепления вокруг Парижа, они бросились во главе нанятых ими шаек убийц в места заключений и учинили страшную двухдневную бойню, во время которой в одной только тюрьме Карм удавлено было 160 священников.

Но эта была лишь прелюдия массовых убийств, которыми увековечила свою память самая книжная и самая жестокая из всех революций.

21 сентября 1792 г. несколькими орудийными выстрелами Париж оповещен был одновременно и о победе, одержанной Дюмурье над пруссаками при Вальми и об открытии Конвента. Это со-

брание, состоявшее из 760 народных представителей и заимствовавшее свой титул у американцев, в первом же заседании провозгласило уничтожение во Франции монархического образа правления. Причем монтаньяры3, составлявшие левое меньшинство Конвента, начали настойчиво доказывать, что для окончательного утверждения нового порядка в стране необходимо убить королевскую идею в лице продолжавшего находиться в заключении в замке Тампль Людовика XVI.

Смелые на словах, но робкие на деле жирондисты, составлявшие правое большинство Конвента, побоялись быть заподозренными в несочувствии республике и согласились на предание суду по обвинению в государственной измене гражданина Людовика Капета".

21 января 1793 г. несчастный король возведен был на эшафот, а вслед за его казнью, хорошо учитывавший последствия этого страшного события для Франции Питт двинул против нее свою первую коалицию, в состав которой вошли Англия, Голландия, Пруссия, Австрия, Сардиния, Неаполь и Испания.

Этим обложением началась двадцатитрехлетняя война между все время наступавшей Англией и не выходившей из активной обороны Францией.

XXXI.

Уже в царствование Людовика XVI поглощенная внутренними смутами великая представитель-

ница латинской расы постепенно закрывала глаза на внешний мир. С началом же революции политический кругозор французского правительства окончательно вошел в пределы собственной страны, и все помыслы новых правителей сконцентрировались

на упрочении республики и проведении социальных реформ. Шире и серьезнее этого домашнего дела для них не было ничего, а поэтому и замыслы Англии истолкованы были ими по-своему. На подступавшие к границам Франции коалиционные войска они смотрели как на своего рода резерв, двинутый эмигрантами и опасавшимися за свои троны королями для поддержки многочисленных врагов республики, находившихся внутри государства.

Отождествляя, таким образом, внутреннюю и внешнюю опасность, Конвент решил не останавливаться ни перед какими мерами для того, чтобы сломить сопротивление всех противников нового режима и отбросить вмешавшихся не в свое дело иностранцев.

Выдвинутое на первый план покорение Франции началось весьма энергично.

Одновременно с наступлениями внешнего врага вспыхнуло восстание в Вандее. После первых же неудач, постигших посланные на усмирение этой провинции войска, по настоянию монтаньяров 10 марта J793 г. учрежден был чрезвычайный уголовный трибунал для безапелляционного суда над изменниками, заговорщиками и противниками революции. Для розыска же виновных образован был комитет общественной безопасности. Затем, по получении известий о новых неудачах

117

французского оружия, повлекших за собою обнажение северной границы, Конвент 6 апреля вручил исполнительную власть комитету общественного спасении.

Устроив эти позиции, заняв их и добившись отмены закона о неприкосновенности депутатов, Монтаньяры решили теперь повести атаку на самый Конвент.

Вступив с этою целью в соглашение с Парижской коммуной, они организовали нападение на Тюльерийский дворец. 31 мая, в то время как внутри здания заранее уверенный в победе Робеспьер громил своих врагов, обвиняя их в измене революции, - снаружи собралось 80 000 вооруженных людей; против выходов размещено было 163 орудия, разведены костры, поставлены решетки для накаливания ядер, словом, выдвинуты были все аргументы, чтобы продиктовать закон народному собранию. Продержавшись в осаде три дня, Конвент 2 июня вынужден был выдать 12 депутатов, осмелившихся ревизовать дела Парижской Коммуны и 21 жирондиста из числа самых даровитых представителей этой партии.

После 2 июня вся законодательная и исполнительная власть оказалась в руках крайних революционеров, и монтаньяры Конвента и Парижской коммуны приступили к социальным реформам. Взамен подвергшейся совершенному запрещению католической религии введено было поклонение "богине разума"; церкви были закрыты; обычаи, одежда и даже исчисление времени перекраивались заново по принципам демократического равенства.

118

Вырабатывавшиеся законодателями реформы приводились в исполнение облеченным диктаторскими полномочиями комитетом общественного спасения, которому были подчинены: ведавший сыском комитет общественной безопасности, 144 разбросанных по всей стране уголовных трибунала и 6-тысячная армия, постоянно переходившая из одного города в другой в сопровождении гильотины.

Но так как главным двигателем революции была не государственная мудрость, а накопившаяся веками злоба и ненависть к пользовавшимся привилегиями классам, то, утоляя чувство мести рубкой голов, массовыми расстрелами, утоплениями и беспощадным разгромом всего быстро уравнивавшегося к низу французского общества, - сами победители должны были, в конце концов, вступить во взаимную потасовку.

Все более и более жестокие мероприятия, требовавшиеся фанатиком Эбером и его последователями, начали пугать самых пылких защитников революции и поселять в них отвращение к республике. Во главе отколовшейся таким образом партии умеренных монтаньяров стал Дантон. Но над обеими партиями сейчас же поднялась фигура холодного и расчетливого честолюбца Робеспьера. Соединясь сначала с Дантоном, он отправил на плаху Эбера, а затем 5 апреля 1794 г. отрубил голову и Дантону.

Не чувствуя теперь вокруг себя ни одного сколько-нибудь сильного человека, крепко державший в своих руках комитет общественного спасения и комитет общественной безопасности,

119

Робеспьер сделался неограниченным диктатором и настоящим олицетворением революционного правительства. Для того чтобы окончательно растоптать уже распростертую в страхе Францию он приказал упростить до крайности судопроизводство уголовных трибуналов. Толпы неизвестно кем обвиненных граждан приводились в суд от 11 до 12 часов дня для заслушивания обвинительного акта; в 2 часа постановлялся приговор, а в 4 уже стучали топоры. Этот кровавый режим не мог, конечно, тянуться долгое время. Опасаясь за собственную жизнь, самые близкие друзья Робеспьера сделались его тайными врагами, и объединившимися силами Конвента страшный тиран, а вместе с ним и все организованное революционерами правительство 9 и 10 термидора (27-28 июля 1794 г.) были свергнуты.

Убедясь, таким образом, на опыте, какую опасность для общества представляет собою не имевшее противовеса собрание народных представителей, Конвент приступил к разработке новой, более усовершенствованной формы республиканского правительства. Осенью 1795 г. таковое сформировано было под именем Директории, состоявшей из пяти директоров, совета пятисот и совета старейшин (250 чел.).

Но искусство управления государством зависит не от вида и названия правительственных органов, а от способности приставленных к делу людей. Франция же к тому времени сильно оскудела талантами. За четырнадцать месяцев владычества революционеров по постановлению одного

120

только парижского трибунала снесено было 2625 не сплошь заурядных голов. Поэтому в состав Директории вошли люди уже второго сорта и по уму, и по характеру, и по честности.

Чувствуя себя не в силах справиться с внутренним брожением и подготовлявшеюся контрреволюцией, Директория на второй же год существования прибегла к помощи войск и, чтобы не свалиться окончательно, создала систему маленьких государственных переворотов. При таких условиях сильно утомленное волнениями без конца, революциями без причины и переменами без результата,

французское общество само начало присматриваться к армии, уже покрывшей себя славою и представлявшей наглядный пример порядка, дисциплины и добросовестного выполнения долга.

XXXII.

В 1789 г. королевская армия состояла из !72 586 офицеров и солдат. Слабая численно и дезорганизованная революцией, она пополнена была сначала батальонами плохо обученной национальной гвардии и буйными волонтерами. Первые же столкновения этих разношерстных войск с регулярными армиями Пруссии и Австрии ясно указали Франции на то, что она немедленно и самым серьезным образом должна взяться за создание своих вооруженных сил. Огромный по своим размерам и необычайно тяжелый по обстановке труд

121

этот прекрасно выполнен был членом Конвента и комитета общественного спасения Лазарем Карно. Призванные по его настоянию в феврале 1793г. 300000 новобранцев, а в августе 600000 сведены были в полки, бригады и дивизии, во главе которых были поставлены уже зарекомендовавшие себя в боях 22-25-летние полковники и генералы. Жадная же к подвигам молодежь вдохнула в свою очередь в войска весь свой энтузиазм, все юношеское пренебрежение к лишениям и опасности и в скором времени повела армию от поражения к победам. Вслед за усмирением Вандеи, в 1795 г. должны были отказаться от продолжения войны Голландия, Пруссия и Испания, а в 1796-1797 гг. блестящими действиями в Северной Италии уже отмеченный судьбою 27-летний Бонапарт принуждает к миру Австрию, Сардинию и Пьемонт.

Таким образом, все облагавшие францию с суши континентальные державы были отбиты, и из образованной Питтом первой коалиции осталась одна только неуязвимая на своих островах и блокировавшая своим сильным флотом Францию с моря Англия.

Для того, чтобы прорвать и эту блокаду и нанести своему противнику возможный по обстановке удар, изумительно верно определивший как современное ему, так и будущее значение для мировой торговли дельты Нила и Суэцкого перешейка, Бонапарт представил Директории план похода в Египет. Не столько из сочувствия к гениальной мысли своего полководца, сколько из жела-

122

ния удалить из Парижа становившегося с каждым днем все более и более популярным генерала, Директория одобрила план, и 18 мая 1798 г. Бонапарт во главе 30-тысячной армии отплыл из Тулона в Александрию, а 21 июля, после боя у пирамид, овладел страной фараонов.

Но, зорко следивший за действиями своего точно из земли выросшего могущественного врага, Питт отправил к побережьям Египта адмирала Нельсона и, уничтожив у Абукира французскую эскадру Брюиса, отрезал Бонапарту сообщение с Францией, а в то же время против самой Франции двинул вторую коалицию из присоединившихся к Англии России и Австрии (1798-1799 гг.).

Впервые зайдя так далеко в Западную Европу, русские полки развернулись вдоль всего правого фланга Франции от Зюдерзее на Северном море до Генуэзского залива на Средиземном море. Причем на юге Суворов в два месяца очистил от

французов Италию, куда вслед затем вступили, в качестве хозяев, австрийцы; в Швейцарии Римский-Корсаков потерпел поражение, а находившийся под командой герцога Йоркского и плохо снабжавшийся англичанами русский отряд в Голландии почти наполовину растаял от голода и болезней, и возмущенный предательством союзников Император Павел I отозвал свои войска в Россию.

С уходом же русских, направленный Питтом в правый бок Франции второй удар был ослаблен и вместо серьезного вреда должен был послужить к внезапному внутреннему оздоровлению Франции.

123

XXXIII.

Узнав в Каире о новой коалиции против Франции, Бонапарт самовольно передал командование египетской армией Клеберу и, прорвавшись сквозь стороживших его на Средиземном море англичан, прибыл в Марсель почти одновременно с вестью о последней блестящей победе его над турками под Абукиром. Неторопливо подвигаясь к Парижу, он еще в пути ясно определил то печальное положение, в котором находилась Франция. Выродившаяся в разбои революция продолжала опустошать страну; все принимавшиеся против этого зла меры свидетельствовали о растерянности правительства; людей на местах не было; снова разбитые, снова босые и голодные войска на границах Италии и Германии выражали свое неудовольствие открытым ропотом... С другой стороны неподдельная радость сбегавшихся к нему на встречу жителей и недвусмысленные намеки импровизированных речей как нельзя определеннее говорили ему, что уже не одна армия, а весь народ подымает его на свои плечи, как своего главу, ниспосланного Провидением в опаснейшую для государства историческую минуту.

Назначенный по прибытии в Париж начальником расположенных в столице войск, Бонапарт, с согласия наиболее даровитых членов правительства, отдал распоряжение о переводе в Сен-Клу Совета пятисот и Совета старейшин, чтобы продиктовать им изменения в Конституции. Совет старейшин охотно принял предложенные Бонапартом поправки, но большинство Совета пятисот,

124

усмотрев в действиях Бонапарта насилие над законом, объявило его самого вне закона. При столь неожиданном отпоре, Бонапарт побледнел и, шатаясь, направился к выходу. Но в кулуарах его остановил Сиеисс словами: "они хотят выслать вас из Франции - так выгоните их из собрания!" Точно реплика находчивого суфлера, фраза вернула Бонапарту его самообладание, и в следующий же момент бросившиеся за ним гренадеры с барабанным боем и ружьями наперевес начали очищать зал заседания (18 брюмера - 9 ноября 1799г.).

На другой день большинством Совета старейшин и меньшинством Совета пятисот сформировано было новое правительство, названное, по тогдашней моде на классицизм, консульством и во главе его был поставлен Бонапарт.

С этого дня революция была окончена, республика существовала только по имени, и Франция имела своего повелителя.

XXXIV.

Для того чтобы дать народу возможность отдохнуть от внешних войн, стереть следы революции и поправить свое материальное благосостояние, Бонапарт по вступлении во власть отправил австрийскому императору и английскому королю письма с просьбою прекратить военные действия. "Неужели же, - писал он, - война, в течение восьми лет разорявшая четыре страны, должна быть вечной?" На это от Австрии получился от-

вет, что она не может действовать без согласия своего союзника. Питт же поставил условием мира возвращение Бурбонов.

После неудачи этой, продиктованной искренним миролюбием попытки не оставалось ничего иного, как отражать нападение силой.

Переведя в течение нескольких дней 60-тысячную армию через Альпы, сам Бонапарт боем под Маренго 14 июня 1800 г. выбросил австрийцев из Северной Италии, а в декабре того же года боем под Гогенлинденом Моро открыл путь французской армии на Вену и этим принудил Австрию вторично отложиться от Англии.

Для действия же против этой последней, Бонапарт, совершенно неожиданно для него самого, получил весьма серьезную поддержку со стороны России.

Рыцарски прямой император Павел I был до такой степени возмущен предательским отношением Австрии и Англии к русским войскам, что, не довольствуясь выходом из коалиции, выразил желание тесно сблизиться с Францией. С этой целью в Париж отправлен был посланником Колычев, который от имени Государя передал Бонапарту приглашение принять королевский титул с тем, чтобы уничтожить революционный принцип, вооруживший против Франции всю Европу. А чтобы обуздать становившийся совершенно невыносимым английский деспотизм на море, Россия заключила союз с Пруссией, Швецией и Данией. В силу этого соглашения датчане заняли Гамбург, служивший главным складочным пунктом англий-

ских товаров для Германии, и закрыли устье Эльбы, а пруссаки заблокировали устье Везера и Эмса и заняли Ганновер.

Потеряв, таким образом, базу на континенте Европы, Англия принуждена была прекратить на время свои наступательные действия против Франции и 25 марта 1802 г. подписала мирный договор в Амьене.

Эта передышка дала возможность Бонапарту проявить такие же чудеса по внутреннему возрождению Франции, какие он творил на полях сражений. Неустанно работая над сближением классов, водворением религиозного мира, улучшением администрации, финансовой системы, судопроизводства и народного образования, строя дороги и каналы в провинции, украшая столицу набережными и другими сооружениями, этот всеобъемлющий гений не мог, конечно, израсходовать всего себя на одни только домашние дела и начал обращать свой орлиный взор на свободное, благодаря прекратившейся войне с Англией, море.

Для того чтобы усмирить восстание на принадлежавшем Франции острове Святого Доминго, Бонапарт снарядил экспедицию и отправил ее под начальством своего зятя Леклерка.

Но едва только французский флот переступил заветную для него черту, как по приказанию английского правительства, отданному 13 мая 1803 г., английские крейсера захватили 1200 французских "купцов", и не получившая никакого извещения о начале войны Франция снова оказалась запертой со стороны моря. Английская печать от-

127

крыла ожесточенную травлю против Бонапарта. Затем, чтобы облегчить совесть тех, кого могла смутить шестая заповедь, в Лондоне появились специальные сочинения на тему "умертвить - не значит убить", а в скором времени открыт был и новый заговор против первого консула, организованный на английские деньги Кадудалем и Пишегрю.

Но Франция оценила уже своего повелителя и за всю боль открытых и тайных укусов старалась наградить его так же, как и за государственные заслуги. После неудачного покушения с адской машиной в С.-Никэре, Сенат продлил консульскую власть Бонапарта на десять лет. После Амьенского мира назначил его пожизненным консулом. После заговора Кадудаля и Пишегрю, чтобы отнять у роялистов надежду на возможность государственного переворота, облеченный учредительной властью Сенат присудил победителю при Арколе, Риволи, у пирамид и Маренго, творцу гражданских законов и водворителю религиозного мира титул Императора французов, а сам народ, одобрив всеобщим голосованием решение Сената, признал в Наполеоне I основателя новой династии (1804).

XXXV.

Возлагая на себя корону Франции, Наполеон лучше, чем кто-либо другой, знал, что в борьбе за жизнь Франция встретилась с Англией на такой

128

узкой дороге, мирное расхождение на которой невозможно, и что до тех пор, пока не будет обезврежен страшный островной враг, его империя все время будет служить наковальней для приводимых в движение английским искусством континентальных молотов. А поэтому, не ослабляя своей государственной деятельности, Наполеон тщательно начал готовиться к высадке на Великобританские острова. С этою целью в Булонский лагерь стянуты были лучшие полки, отобранные из египетской, итальянской и рейнской армий, и из них образована была превосходно дисциплинированная, вооруженная и самим Наполеоном обученная десантным действиям "Великая армия". Совершенно готовая к посадке на стоявшие у пристани суда, она ждала лишь прихода эскадры адмирала Вильнева, которая должна была прикрыть переправу.

Но в то время как не знавший равных себе в командовании армиями французский Марс собирался опустить свою тяжелую руку над Лондоном, - распоряжавшийся судьбами Европы английский Юпитер заносил уже своему противнику удар на оба его фланга: на левый против находившегося у берегов Испании Вильнева послан был адмирал Нельсон (покончивший с французским флотом у Трафальгара 21 октября 1805 г.), а на правый выходили Россия и Австрия (3-я коалиция 1805 г.).

Узнав о наступлении австрийцев, Наполеон повернул свою Великую армию на восток, захватил в плен армию Мака под Ульмом и, выйдя че-

рез Вену в Моравию, боем под Аустерлицем заставил русских отойти к своим границам, а Австрию положить оружие.

Хотя после Аустерлицкого сражения непримиримый враг Франции Питт скоро сошел со сцены*, но события начинали принимать такой опасный для Англии поворот, что она была обязана продолжать войну, и последняя с каждым годом начала захватывать все больший и больший театр и становиться все более и более кровопролитной.

В образовавшуюся в следующем, 1806 г. четвертую коалицию против Франции вошли Россия и Пруссия.

Превыше всего гордясь своего фридриховской тактикой, весьма почтенные летами прусские генералы охотно верили тому, что только одни они в состояния проучить молодых маршалов юноши-Императора. Этой же мыслью прониклась не пропускавшая ни одного парада королева Луиза, оказавшая сильное влияние на осторожного короля. Не желая делить лавры с русскими, прусский ко-

* Весть об Аустерлицкой победе Наполеона подействовала на Питта так сильно, что он потерял сознание и пришел в себя уже полуразбитый параличом. Но и больной он не переставал думать о шансах войны с Францией, "Сверните ее, - сказал он однажды, указывая глазами на карту Европы, - она не понадобится в течение десяти лет" (Т. е. до 1815 г., или Ватерлоо!), Вот оно - божественное знание той сложной европейской машины, которую приводил в движение этот гениальный человек.

Питт умер в январе 1806 г. Спокойно вынося клевету печати, обвинявшую его в не совсем честном расходовании колоссальных сумм, проходивших через его руки на субсидирование континентальных держав, он оставил после себя 800 000 руб, долга, который по единогласному постановлению палаты общин был уплачен народом.

роль, еще до подхода нашей армии, послал Наполеону требование убрать свои войска за Рейн.

Ответ на это требование последовал немедленно. В течение всего лишь одного месяца Пруссия лежала у ног Наполеона.

Но эти вынужденные победы могли вызывать восторг и тешить самолюбие человека менее прозорливого, чем Наполеон, ибо самые сильные удары, наносившиеся им союзникам Англии, слабо отражались на этой последней и лишь осложняли борьбу с нею. Решив поэтому прервать всякую связь Англии с континентом, Наполеон первым делом по вступлении в Берлин объявил "Британские острова в состоянии блокады" и, прежде всего, обязал Пруссию не покупать английских товаров, а захваченные сжигать.

Двинувшись затем навстречу русской армии, он, после Прейсиш-Эйлау и Фридланда, обязал и Россию закрыть свои порты для англичан.

Теперь для того, чтобы распространить эту так называемую "континентальную систему" на всю Европу, нужно было закрыть порты Испании и Португалии. С этою целью Наполеон направился за Пиренеи и 4 декабря 180В г. вступил в Мадрид, а в это время Англия выдвинула ему в тыл Австрию (5-я коалиция 1809 г.).

С изумительной быстротой повернув назад, Наполеон сначала в пятидневном бою под Экмголем и Ратисбоном разбросал австрийские армии, затем в Ваграмском бою докончил их поражение и по Венскому миру присоединил к Франции все восточное побережье Адриатического моря. Ины-

131

ми словами - фактически распространил континентальную систему и на Австрию. XXXVI.

После войны 1809 г. общая обстановка на театре борьбы за жизнь между Англией и Францией сложилась следующим образом:

В течение восемнадцати лет, не объявив сама ни одной войны (кроме вынужденного похода за Пиренеи], но активно отражая методически, точно волны прибоя, накатывавшиеся на ее правый фланг коалиционные армии, Франция распространила свое господство на всю Западную Европу.

Распоряжаясь теперь богатствами последней в людях и деньгах, владея всеми побережьями Северного моря и обладая воплотившейся в лице ее Императора творческой энергией, она имела возможность в короткое время создать превосходный парусный флот, переправить под прикрытием его на Британские острова какой угодно силы армию и покончить с неустанно нападавшим на нее врагом в его же собственном доме.

Эта операция являлась тем более осуществимой, что оставшаяся одинокой Англия была накануне оборонительной войны с С.-А. Соединенными Штатами, долженствовавшей отвлечь значительную часть ее морских сил на запад.

Таким образом, для Англии близился уже тот судный день, когда она, нарвавшись на гения Наполеона, должна была опуститься на уровень сваленных ею Голландии и Испании.

132

Но преемственно даровитый английский кабинет вывел ее и из этого положения.

В то время вполне независимыми и могущественными державами в Европе оставались лишь сама Англия, деспотически царившая на море, Франция, господствовавшая над западной половиной Европы, и Россия, владевшая восточной половиной этого материка. Так как между двумя последними не было ровно никаких причин для жизненного соперничества, требовавших устранения вооруженной силой, то вся работа английской дипломатии сосредоточилась на создании их искусственным образом и прежде всего на том, чтобы охладить дружественные, после тильзитской и эр-фуртской встреч, отношения между Императором Александром I и Наполеоном и довести их до открытого разрыва.

Одним из главных орудий для этой цели явился собственный министр Наполеона Талейран.

Посланный в Петербург с деликатнейшей миссией, долженствовавшей привести к прочному союзу между Россией и Францией, он поступил так, как диктовали ему его личные интересы. "J'avoue, - пишет он, - que j'etaiseffraye d'une alliance de plus entre la France et la Russie. A mon sens, il fallait arriver a ceque l'idee decette alliance fut assez admise pour satisfaire Napoleon, et a ce qu'il y eut cependant des reserves qui la rendissent difficile"*.

* "Я признаю, что я был испуган еще одним союзом России и Франции. По поему разумению, было необходимо прийти к идее этого союза, который был вполне допустим для того, чтобы удовлетворить Наполеона, однако он имел обстоятельства, которые делали его трудно реализуемым" (фр.) (Прим. ред.).

133

Умно посеянные опытным христопродавцем семена взаимного неудовольствия, быстро разрастаясь в личную обиду и непримиримую ненависть, в конце концов, запурпуровели кровавым плодом войны.

Закончив все приготовления к далекому и трудному походу, Наполеон в мае 1812 г. прибыл в Дрезден и здесь, во всем блеске своего величия, окруженный свитой коронованных вассалов, обнажил меч против России.

И вот по одному мановению бога войны уже стоявшие под ружьем 680 000 французов, пруссаков, австрийцев, саксонцев, баварцев, вюртембержцев, вестфальцев, голландцев, итальянцев, поляков и т. д. трогаются с места, и весь этот бурный поток разноязычных народов с тяжелым громыханием орудий, скрипом обозов, топотом и ржанием 176 850 лошадей устремляется к востоку...

Никогда еще, как именно в эту минуту, не мог английский гений сказать с большим правом, что "политика есть господство ума над чувствами и материей"; никогда изобретенное им "the ballance of power in Europe"* не получило столь полного и столь внушительного выражения, как теперь, когда на одну чашку весов положена была западная половина Европы, а на другую - восточная, и никогда английский народ не имел больше основания гордиться своим правительством, как теперь, когда "the great Shadow" - "Великая тень", приводившая в уныние и трепет Британские острова, отброшена была, наконец, в сторону и поползла на зубчатые стены Московского Кремля...

* "Баланс сил в Европе" (англ.] (Прим. ред.).

134

XXXVII.

Невольно сделавшись громоотводом Англии и приняв на себя удары ополчившейся против нее Западной Европы, Россия обнаружила все присущее ее народу и армии мужество, но при этом, по мнению Кутузова, она должна была ограничиться изгнанием врагов и "сохранить Наполеона для Англии".

К несчастью, окружавшая государя свита из англичанина Роберта Уилтона, шведа Армфельда, пруссаков Вольцогена и Винценгероде, эльзасца Амштедта, пьемонтца Мишо и корсиканца Поццо ди-Борго, не обращая внимания на разорение страны и усталость войск, напрягала все усилия к тому, чтобы перенести войну за границу для освобождения от ига Наполеона и Западной Европы.

Старания иностранцев увенчались успехом, и 1 января русская армия переправилась за Неман.

Начавшееся таким образом обратное течение народов с востока на запад должно было оказать самое решительное влияние на ход англо-французской борьбы, так как, по мере приближения к границам Франции, число наступавших на нее

континентальных держав увеличивалось, силы их росли и дух креп в той же прогрессии, в какой убывала мощь Франции.

Уже в мае 1813 г. под Люценом и Бауценом под знаменами Наполеона сражалась армия, отпущенная ему, так сказать, в кредит, ибо в ее рядах находились взятые до срока контингенты 1813-1814 и 1815 гг. Во время Пойшвицкого перемирия, надавив на Францию всею тяжестью сво-

135

ей власти и выжав из нее последние соки, он довел свои силы до 350 000 человек, но это были солдаты уже только по имени и во главе их стояли не львы Аустерлица, Ваграма, Иены и Ауэрштедта. Идеальный начальник штаба Бертье, перенеся воспаление мозга, страдал забывчивостью, мечтал об охоте в своем недавно приобретенном имении и перепутывал приказания. Перегруженные наградами и славой маршалы вслух думали о прекращении войны и возвращении во Францию.

Наконец сам Наполеон, надломленный московским походом, заболел старческой апатией. Еще недавно окрылявшая его гений музыка орудий перестала действовать на его душу, и иногда в пылу боя, сидя на барабане, он тщетно старался поднять свои веки, поминутно наливавшиеся свинцом дремоты. А поэтому, при образцовой в техническом смысле подготовке операций на Эльбе, в самом выполнении их уже не было вдохновения. Не доведенная до конца победа его под Дрезденом (август 1813г.) и целый ряд сражений (Кацбах, Гросбеерн, Денневиц, Кульм), проигранных его маршалами, заставили его отойти к Лейпцигу. Здесь, в трехдневной "битве народов" (октябрь 1813г.), вместе с потерей Германии рухнуло господство Наполеона над Западной Европой, и он вынужден был уже не отступать, а пробиваться сквозь восставшие в тылу народы Рейнского союза.

В январе 1814 г. огромная масса союзных войск, общей численностью около 400 000 человек, тремя потоками начала переливаться через границы Франции.

136

Оставшийся с несколькими дивизиями гвардии и новобранцами в возрасте наших потешных, всего 60 000 человек, Наполеон еще раз проявил былую энергию. С невероятной быстротой и львиной отвагой бросаясь то против одной, то против другой колонны, он одерживает целый ряд побед. Его январские и февральские С. Дизье, Бриен, Шампобер, Монмираль, Вошан и Монтеро заняли весьма почетные места в стратегии и тактике, но в ходе событий это была уже агония. С каждым разом удары его становятся слабее и слабее. За Краоном следует Лаон, за Лаоном - Арсис-сюр-Об, и отброшенный в сторону лев открывает союзникам путь к столице.

С занятием Парижа союзными войсками участь Наполеона, как императора, и участь Франции, как мировой державы, была решена окончательно. Вместе с тем определилась до известной степени и судьба всех народов континентальной Европы.

Едва избавясь от грубого по форме диктаторства к Наполеона-человека, Европа сейчас же подпала под утонченное и полное рокового значения иго и Наполеона-народа...

XXXVIII.

В течение двадцати трех лет ведя крайне упорную борьбу с Францией, Англия своими собственными войсками почти не участвовала в боях. Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь сво-

137

их подданных, она снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, палатками, седлами, шанцевым инструментом и т. п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей, обеспечивала материк всеми колониальными товарами. Иными словами, была поставщиком по горло занятой войнами Европы.

С введением континентальной системы, когда для распространения ее и на Пиренейский полуостров Наполеон двинул свои войска против Испании и Португалии, Англия немедленно послала на помощь последним небольшую армию, а ее корабли направились к берегам Америки, дали толчок к восстанию испанских колоний и, уничтожив торговую монополию испанцев, открыли для английской торговли обширный американский рынок.

Одновременно с этим, обладавшие изумительною широтой взгляда, при которой весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия, государственные люди Англии делали и другое не менее важное дело:

В 1799 г., когда наши войска штыками прокладывали себе путь в теснинах Швейцарии, Англия заняла Мальту и, утвердив свое господство на Средиземном море, закупорила нам проливы.

В 1805 г., во время шенграбенского и аустерлицкого боев, уже проложив цепь этапов вдоль западного берега Африки, она отняла у голландцев лежавшую на тогдашнем пути в Индию и пред-

138

ставлявшую собою превосходную базу для наступления в глубь Африки Капскую колонию, а по восточную сторону этого материка захватила у французов вытянувшиеся по направлению к Индии группы островов Иль-де-Франс и Сейшельские.

В 1813 г., в то время как наша армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом, она заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить свое господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту.

Короче говоря, в то время как вся континентальная Европа выжимала из себя все соки в ожесточенных, но представлявших для нее самой одно сплошное недоразумение войнах, Англия закладывала прочный фундамент своего материального благосостояния и своей нынешней грандиозной Империи.

Затем, после победы над Францией, оставшись единственной морской державой, она окружила европейский материк своим могущественным флотом и точно насыщенной электричеством изгородью размежевала им земной шар следующим образом:

Все, что находилось снаружи этой изгороди, т. е. весь безграничный простор морей с разбросанными на них островами, все самые обильные теплом, светом и природными богатствами страны, словом весь Божий мир, она предоставила в

пользование англосаксов, а для всех остальных народов белой расы устроила на материке концентрационный лагерь.

XXXIX.

Результаты подобного размежевания должны были обнаружиться в довольно скором времени.

Обладая таким без меры в длину и без конца в ширину идеальным полотном, какое представляет собою водная поверхность земного шара, англичане проводили на нем судоходные линии, устраивали станции, занимали проходы, устанавливали для защиты их артиллерию; продвигались с прибрежных частей в глубь материков, захватывали лучшие земли, открывали конторы, овладевали новыми рынками. С каждым годом увеличивавшиеся в числе и вместимости английские корабли, развозя во все концы мира продукты английского труда и возвращаясь назад с драгоценными произведениями тропиков и сырыми материалами для фабрик и заводов, в то же время, точно гигантская помпа, прикачивали к Лондону золото, а последнее, разливаясь по стране, вносило волшебную перемену во всю материальную и духовную жизнь англичан.

"Ротшильд-народ" и притом разумный "Ротшильд" - англичане не жалели своих капиталов на всевозможные опыты по обработке и удобрению земли, на подбор семян, на улучшение пород скота, на устройство просторных и светлых жилищ, красивую и удобную обстановку их и т. д. и т. д. И вот, с течением времени сырые и туманные острова начали превращаться в образцовую ферму. Грубое, страдавшее всеми неразлучными с нуждой человеческими пороками, в особенности пьянством, население вырастало в воздержан-

ную, проникавшуюся чувством собственного достоинства аристократическую расу. Английский язык из контор и из-за магазинных прилавков смело направился в европейские салоны, где английский комфорт теснил уже в свою очередь французское изящество. Словом, по мере увеличения богатств, Англия превращалась в модель, которой, прежде всего, начала подражать Франция.

Легко и быстро подымаясь, таким образом, на высшую ступень культуры и занимая господствующее положение по отношению к другим народам, англичане ни на одну минуту не спускали глаз с запертого и обреченного ими на физическое и моральное "degeneracy" европейского материка.

После разгрома Франции, они начали переносить свое внимание на Россию, ибо, со вступлением на престол Императора Николая I, последняя снова обратилась к своим собственным делам и, начав наступление правым флангом к Средиземному морю и Персидскому заливу, могла прорвать здесь английскую блокаду и сделаться морской державой, т. е. дать выход наружу своим глохнущим взаперти силам и средствам.

Ввиду этого, сейчас же став за спиной Турции и Персии для удержания первых наших натисков, англичане вместе с тем начали сосредоточивать к нашему правому флангу силы всей континентальной Европы.

Этот маневр, требовавший для своего выполнения многих лет, представляет собою лучшее доказательство того, с какою непрерывностью, последовательностью и искусством работает англий-

141

ский кабинет, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

XL.

Как известно, после поражения Франции, эта считавшаяся главной виновницей всех беспорядков в Европе держава привлечена была на международный суд в Вену. Здесь, заодно с нею, присуждены были к наказанию и большинство мелких государств, разбитая на куски территория которых пошла на вознаграждение держав, принимавших наибольшее участие в борьбе с Наполеоном. Этот раздел вызвал бездну неудовольствий и обид, грозивших при первом же удобном случае перейти в восстание. А поэтому, для обеспечения мира в Европе, образован был Священный Союз, и вслед за войнами началась эпоха конгрессов и усмирительных экспедиций.

Не имея возможности действовать открыто, все недовольные начали организоваться в тайные общества и в противовес войскам формировать армии рабочих. В каждом государстве эти общества преследовали свои цели: во Франции они стремились к свержению Бурбонов и возведению на престол династии Бонапарта; в Италии желали освобождения из-под австрийской зависимости и объединения многочисленных мелких владений в одно государство; в Австрии подготовляли отделение Венгрии и т.д. Но все эти скрытые силы имели одну и ту же организацию, один и тот же устав, одну и ту же дисциплину и одну и ту же иерар-

142

хию, приводившую, в конце концов нию их главе английского кабинета.

Таким образом, после Венского конгресса в Европе, установилось, если можно так выразиться, "вертикальное равновесие сил"; наверху всеми, так называвшимися реакционными силами, командовал главный вдохновитель Священного Союза Меттерних, а все нижние, или либеральные течения направлялись Пальмерстоном, и перевес был, конечно, на стороне последнего.

В 1830 г., когда изнемогший под непрерывным давлением английского кабинета Карл X решил освободиться от английской и меттерниховской опеки и вступить в союз с Россией, Пальмерстон одним толчком революций этого же года снес с королевского трона Франции старшую ветвь Бурбонов, оторвал Бельгию от Голландии и накренил почти все пограничные столбы, поставленные Венским конгрессом.

Вторым подземным толчком 1848 г. он еще сильнее встряхнул Западную Европу для лучшего саморассортирования ее народностей, причем опрокинулась младшая династия Бурбонов, и Франция превратилась в республику.

10 декабря 1848 г. весьма удобной для державших в своих руках рабочие массы тайных обществ всеобщей, равной, прямой и закрытой баллотировкой избран был на президентский пост племянник Наполеона I Людовик-Наполеон Бонапарт.

После маленького восемнадцатого брюмера Людовик Бонапарт повернул Францию от республики к империи; 2 декабря 1852 г. он взошел на престол под именем Наполеона III, а 10 апреля

1854 г. оформил свои тайные соглашения с английским кабинетом союзом против России, к которому примкнул и зародыш будущего итальянского королевства - Пьемонт.

Вслед за этим англо-французские эскадры двинулись к Петропавловску-на-Камчатке, в Белое и Балтийское моря, а главные силы союзного флота и десантная армия направились в Черное море и на Крымский полуостров.

С безошибочностью хорошего хронометра подготовив, таким образом, удар и направив его одновременно на все наши побережья, Англия утопила наш Черноморский флот, начинавший уже выдвигать из себя Нахимовых и Корниловых, дотла разорила его базу, сделала Черное море нейтральным и запретила нам строить на нем новые военные суда...

XLI.

8 апреля 1856 г. на Парижском конгрессе представитель Пьемонта граф Кавур выдвинул вопрос о положении Италии и этим напомнил Наполеону III о втором его обязательстве, данном перед вступлением на престол. Поставленный в необходимость считаться с религиозными чувствами своего народа и интересами собственной страны, Император медлил.

Поэтому 14 января 1858 г. несколько итальянских фанатиков бросили под его карету адский снаряд. Преступники были казнены, но в следующем же, 1859 г., Наполеон III двинул на Аппенин-

ский полуостров 120-тысячную французскую армию, нанес австрийцам поражение при Мадженте и Сольферино и, получив по Виллафранкскому миру Ломбардию, передал ее Пьемонту.

Этот первый успех сильно ободрил итальянских карбонариев. В 1860 г. поднялась Сицилия, откуда один из революционных вождей - Гарибальди пошел со своею бандой в Неаполь, а спускавшаяся навстречу ему из Ломбардии пьемонтская армия овладела Средней Италией и Церковной областью.

18 февраля 1861 г. съехавшиеся в Турине депутаты первого итальянского парламента постановили предложить пьемонтскому королю титул короля Италии, для полного единства которой оставалось еще отнять у папы Рим и у австрийцев Венецию.

Но одновременно с объединением народов Аппенинского полуострова в центре Европы подходила уже к концу политическая мобилизация живших отдельными самостоятельными группами под шефством Австрии германцев.

Несмотря на то, что мобилизация эта производилась совершенно открыто и все последствия ее могли быть учтены заранее, Наполеон III продолжал выполнять свои союзные обязательства по отношению к Англии. Французский флот и войска открывали в это время китайские порты, и внимание французского общества отвлечено было по другую сторону земного шара. Между тем безостановочно движущаяся стрелка исторических часов близилась уже к той цифре, когда в непосредственном соседстве с Францией должен был

послышаться протяжный и гулкий бой прусских орудий.

В 1864 г., в союзе с Австрией, Пруссия двинула свои войска против Дании и отняла у нее Шлезвиг и Голштинию, предоставившие ей гавань Киль, устье Эльбы и чрезвычайно важные участки береговой полосы Балтийского и Северного морей, связанные ныне каналом.

В 1866 г. она повернулась на юг и совместно с Италией выбросила Австрию из германского союза. Хотя сама Италия потерпела при этом поражение, но зато, что она оттянула на себя 160-тысячную австрийскую армию, она, благодаря любезности Наполеона III, получила Венецию.

Наконец пришел черед и Франции собирать печальные плоды тех лет деятельности ее Императора, когда освещенный искусно направленным на него со стороны прожектором, он казался чуть ли не вершителем судеб Европы.

Восстановивший против себя за Севастополь Россию, не поддержавший в 1866 г. Австрию и умышленно брошенный теперь Англией, мечтательный и робкий по натуре Наполеон III слишком поздно увидел, какою игрушкой был он в руках своего коварного союзника. Окончательно потеряв поэтому голову, он, при полной неготовности, сам объявил войну Пруссии и спустя месяц после начала военных действий ехал уже в Германию в качестве пленного. Спустя еще пять месяцев, в богато украшенном картинами былых побед французов над германцами зале Версальского дворца, Вильгельм 1 провозглашен был Им-

ператором единой Германии. Наконец еще через четыре месяца, снова разоренная и еще раз духовно надломленная Франция отодвинута была за те границы, до которых в 1552 г. довели ее Капетинги.

С ослаблением же Франции, образованием Германской империи и Итальянского королевства и теми переменами, которые были внесены войной 1877-1878 гг. на Балканах и деятельностью английской дипломатии на Скандинавском полуострове - на шахматной доске Европы почти все фигуры оказались придвинутыми к востоку и занявшими по отношению к нашей границе следующее положение.

1. Скандинавские государства. Еще перед Севастопольской войной, желая нарушить наши добрососедские отношения со скандинавскими народами, английский кабинет, посредством печати, поднял заведомо ложную тревогу о том, что будто бы Россия ищет выхода к Атлантическому океану через Норвегию, и наметила для этого гавань Викторию*. Затем, чтобы сделать эту скверную выдумку более правдоподобной, в ноябре 1855г. тогдашние союзники Англии и Франции подписали в Стокгольме со Швецией и Норвегией договор, по которому скандинавские государства обязывались не уступать, не обменивать и не позво-

* Подобный же ложный слух пущен был и весной нынешнего года посредством сильно нашумевшей брошюры Свена Гедина. явившейся ничем иным, как ответом на требования русской печати убрать из Персии английского майора Стокса, работавшего с Морганом Шустером в таком же согласии, в каком Англия работает с С.-А-Соединенными Штатами во всей Южной Азии.

лять России занимать какой бы то ни было участок шведско-норвежской территории. Со своей стороны, Англия и Франция обещались, в случае надобности, поддержать шведского короля войсками и флотом.

Измыслив, таким образом, предлог и официально взяв под свое покровительство скандинавские государства, Англия с этой базы распространила свое влияние на Финляндию и начала постепенно превращать Финляндию в свой политический авангард, Швецию в финляндский резерв, а Норвегию оттягивать под собственное крыло, чтобы обеспечить себе пользование норвежскими бухтами при наступательной войне с очередной континентальной державой на Северном море.

2. Германия. Превратись со времени своего объединения в несколько раз увеличенную Пруссию, эта могущественная военная держава привлекла к себе три четверти нашего внимания и сил.

3.Австро-Венгрия. Вытесненная из Италии и Германского Союза, она повернулась в противо положную сторону, т. е. частью к востоку, а глав ным образом на Балканы*.

* А для того, чтобы дать читателям возможность сулить о том, чей же в действительности мозг работает на Балканах, приведу следующее письмо английского посла в Константинополе сэра Вильяма Уайта к английскому послу в Петербурге сэру Роберту Мориеру, писанное 7 декабря 1885 г.: "Что касается принятого нами образа действий, то я уверен, что вы одобрите его. В будущем Европейская Турция, до Адрианополя, по крайней мере, должна принадлежать христианским народам... Мы подвергались постоянным обвинениям со стороны России в том, что являемся главным препятствием освобождения христианских народов Европейской Турции. Причины для такого особенного образа действий с пашей стороны по счастью перестали существовать; мы имеем теперь воз-

Вот, собственно говоря, когда и в каком виде сказались результаты нашего участия в коалициях, наших войн за освобождение Европы и ошибочного понимания нами "равновесия сил". Деятельно помогая Англии валить Францию, мы упустили время, когда с половиной войск, дравшихся на западе, смело могли пробить себе путь к южным морям. А свалив Францию, мы тем самым ослабили полезный нам противовес и дали возможность Англии придвинуть к нашей границе всю континентальную Европу, которая в свою

можность действовать беспристрастно и постепенно, с надлежащими одержками [так в оригинале - И. О.], применять ту политику, которая прославила Пальмерстона в отношении Бельгии, Италии и т.д. Русские принесли много жертв для освобождения Греции, Сербии и Княжеств. Но они потеряли все свое влияние в Греции. Сербии и Румынии. Одна только Черногория осталась верной и благодарной... В настоящее время они теряют Болгарию... Эти только что освобожденные народы желают дышать свежим воздухом, но не через русские ноздри [and not through Russian nostrils)... Чувствую, конечно, что все это может иметь свой contre coup в Азии, но мы не можем определить наш курс по чисто азиатским соображениям. Несомненно, что все великие интересы наши там. но мы имеем также и европейские обязанности, и европейское положение, и даже европейские интересы".

Дополняя это письмо собственными комментариями, хорошо известный писатель, питомец Московского университета и друг России Джофри Дредж говорит:

"Если бы султан оказался несговорчивым и требуемые державами реформы невыполнимыми, то мы (англичане) должны приложить все старания к тому, чтобы помочь болгарам в создании их государственной мощи. Наконец, в случае полной невозможности "защитить больного человека ширмою от холодных северных ветров", необходимо обратиться к тому средству, на которое указывают слова Болгарского национального гимна "Марш, марш! Царьград наш!..". Как бы там ни было, но союз Балканских государств с расширенной Болгарией, под покровительством Австро-Венгрии или без оного, представит собою наиболее разумное решение вопроса". Причем Англия по мысли Дреджа должна занять Смирну и Миталены.

очередь давлением на наш правый фланг помогла Англии парализовать наши действия на всем нашем фронте от устьев Дуная до Желтого моря...

XLII.

После всего сказанного не трудно, вернее страшно легко, понять и истинный смысл событий, представляющих собою органически сросшееся с событиями прошлого столетия продолжение их.

Сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение, и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы. Дважды разрушив поэтому наши морские силы и заблокировав нас с фронта таким образом, что в настоящее время единственным и уже полузакрытым выходом осталась одна Персия, Англия в то же время подготовлялась к действиям против очередного и последнего из ее серьезных соперников - Германии.

Хотя после войны 1870 г. германцы получили с Франции два миллиарда рублей, но это единовременное пособие, ушедшее большей частью на покрытие военных расходов, не сделало их ни богатыми, ни счастливыми. Уже скоро после войны

недовольство накопившегося в городах рабочего населения начало выражаться в стачках, забастовках и покушениях на Императора Вильгельма I (1878, 1883, 1884, 1885 гг.).

Так как строгие карательные меры, применявшиеся Бисмарком, не привели ни к чему, то, рассчитывая уладить дело с помощью мирного соглашения, Император Вильгельм II приказал в 1891 г. созвать в Берлине рабочий конгресс, на котором были приняты многие требовавшиеся рабочими улучшения их быта. Но достигнутое таким образом успокоение было непродолжительно, ибо главная причина всеобщего недовольства коренилась в том, что, сжатая с трех сторон такими же густо населенными государствами, Германия не могла питать свое быстро растущее население одними собственными средствами, а стало быть, нужно было искать их в четвертой стороне.

Придя к такому выводу, Вильгельм II объявил, что "будущее Германии лежит на море". После этих слов, заключавших в себе необычайно важную и для соседей

политическую программу, точно вырвавшаяся из запертого сосуда германская энергия устремилась на морские предприятия. Причем, несмотря на то, что Германия начала превращаться в морскую державу слишком поздно, когда все колонии были уже разобраны, рынки захвачены и для достижения их нужно было ездить по английским путям и останавливаться на английских станциях, германцы в короткий срок достигли удивительных результатов. Их торговый флот по количеству и качеству судов давно обогнал французский и достиг почти одной трети анг-

151

лийского. Обороты морской торговли уже в 1904 г. почти вдвое превысили собою французскую контрибуцию, а в 1910 г. достигли шести миллиардов рублей.

Но столь быстрому расцвету, вероятно, будет соответствовать и такой же внезапный конец.

Звучный клич Императора, всколыхнувший собою германский народ, сейчас же подхвачен был англичанами, как вызов на борьбу не на жизнь, а на смерть.

Занятая сначала в Трансваале, а затем борьбой с нами в Азии, Англия еще до Портсмутского мира возобновила свой союз с Японией и, поручив ей охрану своих интересов до Индии включительно, начала стягивать все свои силы в Северное море, и вот еще невиданный по величине флот ее дамокловым мечом повис уже над Германией...

В апреле нынешнего года у одного из моих друзей я встретился с немолодым уже, серьезным и весьма осведомленным господином, только что вернувшимся из-за границы, от которого услышал следующее:

"Могу сказать вам как безусловную истину, что во второй половине октября Англия нападет на Германию и к концу декабря уничтожит германский флот".

На вопрос, отчего именно в октябре - мой собеседник ответил: "потому что до этого времени необходимо наладить дела на Балканах".

Этот разговор я привожу здесь, не придавая ему серьезного значения, - ибо, раздадутся ли первые английские выстрелы в ночь на 8/21 октября, т. е. в годовщину положившего начало ми-

152

ровому господству Англии Трафальгарского боя, или одним-двумя месяцами позже, все равно результат будет один и тот же: в силу исключительно благоприятного географического положения Англии морская торговля германцев будет прервана, много слабейший флот их будет разбит и сама Германия будет выброшена на сушу.

Но так как для серьезного обессиления первоклассной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение ее на суше, то сама Англия начнет войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию и Францию. Участие этих держав и распределение их по театрам войн в течение последних лет обсуждались английской печатью так, как будто бы "тройственное соглашение" было уже формальной коалицией против Германии.

При таких условиях рассчитывать на чистосердечное желание английской дипломатии привести нынешние Балканские события к мирному разрешению трудно. Наоборот, надо думать, что, пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии, она будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку

общеевропейской войны, которая, еще больше чем в начале прошлого столетия опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной только Англии.

Возможно, что огромный английский ум и систематическая работа одолеют и на этот раз все препятствия. Но мне кажется, что пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере бе-

лым народам понять, что единственно разумным balance of power in Europe была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и что жестоко высмеивавшееся англичанами наше стремление к "теплой воде" и высмеиваемое теперь желание германцев иметь "свое место под солнышком" не заключают в себе ничего противоестественного. Во всяком же случае, присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами.

Текст скопирован с издания: А. Е. Вандам, "Геополитика и геостратегия", Кучково поле, Жуковский-Москва, 2002.